Геннадий Вершинин

Летающий слон

Лысьва
Издательский дом
2026

УДК 821.161.1-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6
В 37

Вершинин, Г. В.
В 37 Летающий слон / Г. В. Вершинин. – Лысьва : Издательский дом, 2026. – 180 с.

Вторая книга автора для детей младшего возраста объединяет рассказы, сказки, стихи и загадки. Как детский писатель, Геннадий Вершинин начинался с устного рассказчика: усыплял своих детей и внуков русскими народными сказками и песнями из мультфильма «Бременские музыканты». Когда их запас иссякал, рассказывал трогательные и забавные истории из своего богатого впечатлениями детства («Обида», «Санькины каникулы», «Муська-пожарница»), проведенного в селе Григорьевское Нытвенского района, а также воспоминания «про раньше» («Рождественские сказы»), услышанные от бабушки и дедушки.

УДК 821.161.1-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

Книга издана при поддержке депутата
Законодательного Собрания Пермского края Ильи Шулькина
и начальника управления образования г. Лысьвы
Ларисы Степановой, за что им искренне благодарен автор,
вложивший в издание и свои средства

© Г. В. Вершинин, 2026

ЧИТАЙТЕ ВСЕЙ СЕМЬЕЙ

Познакомилась с «Летающим слоном» Геннадия Вершинина и сразу мысленно поставила книгу на полку своих любимых, пахнущих летом и детством произведений.

Читаешь рассказы и в каждой строчке чувствуешь ритм и звук родного города, благодарность родителям за то, что подарили нам жизнь и ту легкую беззаботность, которая бывает только в детстве.

Сборник будет интересен как детям, так и мамам с бабушками, потому читать эту книгу лучше вслух, всей семьей. У нее удивительный, объединяющий все поколения, слог.

Как течет мимо лесов наша речка Лысьва, так и слова в книге собираются в предложения под мелодию уральского неторопливого говора.

С первой страницы можно собирать словарь лысьвенских слов – образов, которые лучше красок рисуют нам не только наше недавнее прошлое, но настоящее с будущим, я уверена, тоже.

Писать для детей – особый дар и талант. Он дается только тем, кто беззаветно верит в наше будущее – наших детей. И более того, искренне любит их.

Уверена, что первоклассники прочитают и оценят этот подарок по достоинству.

Нам, взрослым, нужно только немного помочь им в этом – научить читать и уважать литературу.

Благодарна Геннадию Васильевичу за урок любви и уважения ко всему, что нас окружает.

Знаю, что все, прочитавшие «Летающего слона», искренне присоединятся к народной благодарности.

Лариса Степанова, педагог

РАССКАЗЫ, СКАЗКИ

Солнечный вагон

«Будем как дети – тысячи бед минуют нас, будем по-детски откровенны – и лукавства и ухищрения скроются от нас, как кроются гады от солнечного света, будем бескорыстны, как дети, – и не будет обманов»

Владимир Крупин

Конец августа. По этому краешку лета и катила наша электричка от Перми второй до Чусовской. За окнами вагона проплывали хмурые, потемневшие от продолжительных ливней деревья. Почти вплотную к железной дороге подступали нарядившиеся в желтенькие сарафаны березки и осинки, чьи платьица были чуть ярче, чем у их белоствольных подружек. Но на фоне темного, свинцового неба как-то не радовали глаз и их осенние наряды. От проходившего на скорости поезда ветки деревьев вздрагивали и в потоке ветра тянулись к прильнувшим к окнам пассажирам, словно просили: «Возьмите и нас с собой. Нам так тоскливо на холодном ветру, под дождем».

А куда вас возьмешь? И зачем? Ведь в вагоне та же самая промозглая осень, что и за окном: под стать ненастью – серые, озабоченные лица пассажиров, погруженных в свои невеселые думы. Ни улыбок. Ни разговоров. Лишь мерный перестук колес на стыках да на остановках врывающийся в вагонную тишину женский голос из динамика: «Будьте осторожны! Двери закрываются».

Сидевший напротив меня мужчина в берете оторвался от «Аргументов и фактов», глянул в окно, секунд пять

рассматривал унылую непогодь, отложил газету, притулился к стенке и задремал. Пожилая грузная женщина убрала в сумочку вязание и последовала примеру соседа в берете. Вагонные колеса, казалось, выстукивали морзянкой одну и ту же фразу: «Ску-ко-та, ску-ко-та!».

В купе наискосок ехали молодые родители с дочкой лет пяти. Ее огромные глаза синими фонариками освещали скучную обстановку вагона. Девочка ела сосиску в тесте и пила лимонад. Не откушав и половины, дочка протянула маме сосиску:

– Не хочу больше.

– Настя, а я сказала – доешь! – мать отвела ее руку назад.

Малышка стояла на своем:

– Мам, да не хочу я уже. Смотри, какой живот толстый. Вот похудеет, тогда и доем сразу.

При этих словах дремавший берет чуть приоткрыл глаза, по его лицу скользнула едва заметная улыбка. Я же с трудом удерживался от смеха: «похудеет – и доем». Железная логика! А Настя уже вовсю тормошила отца:

– Папа, ты ведь шарики купил. Надуй один.

Отец вынул из кармана горсть разноцветных шариков:

– Какой тебе?

– Вот этот, – ткнула пальчиком дочка в желтый шарик. – Надуй так, чтобы на солнышко был похож.

Как только надутый шарик, оказался у нее в руках, Настя выскочила в проход и подкинула шарик вверх. Тот по кривой траектории полетел к дачнику с рюкзаком на коленях. Удерживая поклажу одной рукой, мужчина, улыбнувшись, другой рукой отпасовал шарик обратно девочке. Настя ладошкой отбила шарик. Девушка-студентка – это

ее на сей раз выбрал шарик – оторвалась от раскрытого ноутбука и с улыбкой отправила воздушную желтую игрушку в соседнее купе.

И шарик золотым солнышком плавно заметался по всему вагону, в котором сразу стало светлее. Девочка со смехом бегала по проходу, ловила и кидала шарик бородатым старичкам и серьезным дядям, модным тетям и седым бабушкам. А те, отбив шарик, угощали синеглазку кто – конфеткой, кто – яблочком, и даже – шоколадкой.

Еще недавно дремлющий вагон проснулся и с азартом перекидывал шарик из одного конца в другой, не забывая и разрумянившуюся Настеньку.

– Вот егоза! Дак и мы ране экими же были. Во что только ни играли – и в вышибалы, и «На цыпахи!», в лапту. До самого ведь темна летали по поляне. Отец порой уже с ремешком загонял нас домой, – проснулась и грузная пожилая женщина, отпасовавшая шарик мужчине средних лет в штормовке.

А тот, привстав на скамейке, головой отправил шарик не успевшей его поймать

Настеньке:

– А мы в детстве вот так голы забивали!

Скуки и уныния в вагоне как не бывало. Даже солидный при галстуке мужчина умело перепасовал шарик студентке. Даже колеса вагонные – специально прислушивался! – на стыках рельс выговаривали совсем другую фразу: «Жизнь пре-крас-на! Кра-со-та!».

… – Станция Калино.

Ой, чуть не проехал свою остановку. Я встал. И тут шарик, будто «на посошок», подлетел ко мне. Свободной рукой я подкинул его Настеньке, помахал ей на прощание и шагнул из теплого вагона Детства в неуютный тамбур.

Вахрушина Дарья, 14 лет

Спасибо, Настенька, спасибо, милая! Из-за дождей и холодов нынче, считай, лета-то и не было. И ты, славная девочка, не представляешь, какой замечательный подарок сделала мне, всем взрослым, вытащив нас из хмурого осеннего дня в солнечный денек Детства! Хоть на пару часов. Но как это было здорово!

Я ожидал проходящий через Лысьву поезд Чусовская-Кын, а мысленно все еще был там, в солнечном вагоне. И не переставал удивляться – как эта синеглазая кроха сумела размягчить наши черствые души? В принципе, окажись сейчас Настенька со своим воздушным солнышком на нейтральной полосе, к примеру, в донецких степях между ополченцами и «нацистами», уверен, выстрелы прекратились бы с обеих сторон, умолкли бы пушки, закончилась бы война. Хотя нет, лучше не подвергать ее такой опасности.

Но то, к чему стремится, по сути, любой добрый человек – «переделать этот мир, чтоб был счастливый каждый», – она сделала сегодня легко, без каких-либо усилий, играючи…

2015

Муська-пожарница

Из детства мне навсегда запомнилась наша кошка Муська. Бело-серенькая, с черными крапинками на спине, в снежно-пушистых носочках. Было в ней что-то интеллигентное. Бывало, ступит неосторожно в лужицу воды на кухне и такое изобразит на своей умной мордочке страдание, так забавно-брезгливо (вот чистюля!) потрясет

мокрой лапкой – невозможно удержаться от хохота.

– Ишь ты, Балерина какая! – смеется мать.

А отец за это прозвал Муську Цыпой-Дрыпой. В нашей семье все любили Муську. И она чувствовала это внимание. Спала Муська чаще в детской комнате, свернувшись клубочком на кровати в ногах у меня или у сестер. Проснешься зимним утром – холодно, за ночь печь остыла, а от Муськи тепло. Вылезать из-под одеяла не хочется. И до чего игривая была, непакостливая, толковая! Ужинали всегда вместе. Мы – за стол, Муська рядышком на полу усаживается и хитро косится на отца. Знает, что и ее не забудут. Глянет на нее отец:

– Ну что, Муся, перекусить пора? Сейчас, один момент.

Отломит кусочек хлеба, обмакнет его в суп и положит на краешек стола так, чтобы Муське видно его было:

– Бери! Твоя доля.

Муська, не сводя глаз с кусочка, облизывается, но с места не трогается.

– Ты чего, Муся? Сытая что ли? Ах, да... Я ведь забыл сигнал дать.

Отец стучит согнутым пальцем по столу возле хлебной крошки. Тут уж Муську не надо упрашивать. Она привскакивает на задних лапах и передней смахивает крошку на пол. Это отец ее так приучил. И она, умница, как-то быстро усвоила его дрессировку.

...Однажды бабушка ушла в магазин. Я бы тоже усвистал на улицу, катался бы по угорам на лыжах с друзьями, но мороз в этот день стоял такой трескучий – аж провода заиндевели. А дома тепло, уютно. Сижу я с книжкой на кровати, читаю. Увлекся. Книжка интересная попалась – сказка Ершова о Коньке-Горбунке.

Так вот, сижу, значит, читаю. И вдруг из кухни выбегает Муська, садится передо мной, глаза широко-широко округлила, смотрит на меня и как-то странно взмыргивает. Я поначалу не придал этому значения. Да и от сказки никак не хотелось отрываться. А Муська убежала на кухню. Но через секунду-другую вернулась и опять уставилась на меня своими глазищами, продолжая взмыргивать. Смотрю, Муська снова порывается бежать на кухню, оглядывается на меня, словно призывает идти за ней. Такой взбудораженной мы ее никогда не видели. «Что-то неладно», – подумал я. Отложил книгу и пошел за Муськой. Едва шагнул на кухню, сразу понял причину странного поведения кошки. Вернее, об этом я догадался после всего, что произошло. Раздумывать тогда было вовсе некогда, надо было действовать.

На угловом окне пылала занавеска. Загорелась она от спиральной электроплитки, стоящей на конторке возле окна. Это бабушка забыла ее выключить. Сейчас не помню, что я тогда сделал в первую очередь: то ли сорвал горящую занавеску и затоптал ее ногами, то ли выключил плитку, но пожар я потушил.

Вечером, когда пришли с работы отец с матерью, я рассказал о случившемся – и как Муська звала меня на кухню, и как я с огнем боролся. Родители похвалили меня за смелость и находчивость. Но больше всего добрых слов досталось, конечно, нашей любимице Муське. И правильно! Ведь если бы не она, кто знает, чем бы могло это все закончиться.

С той поры у Муськи появилась еще одна кличка – Пожарница.

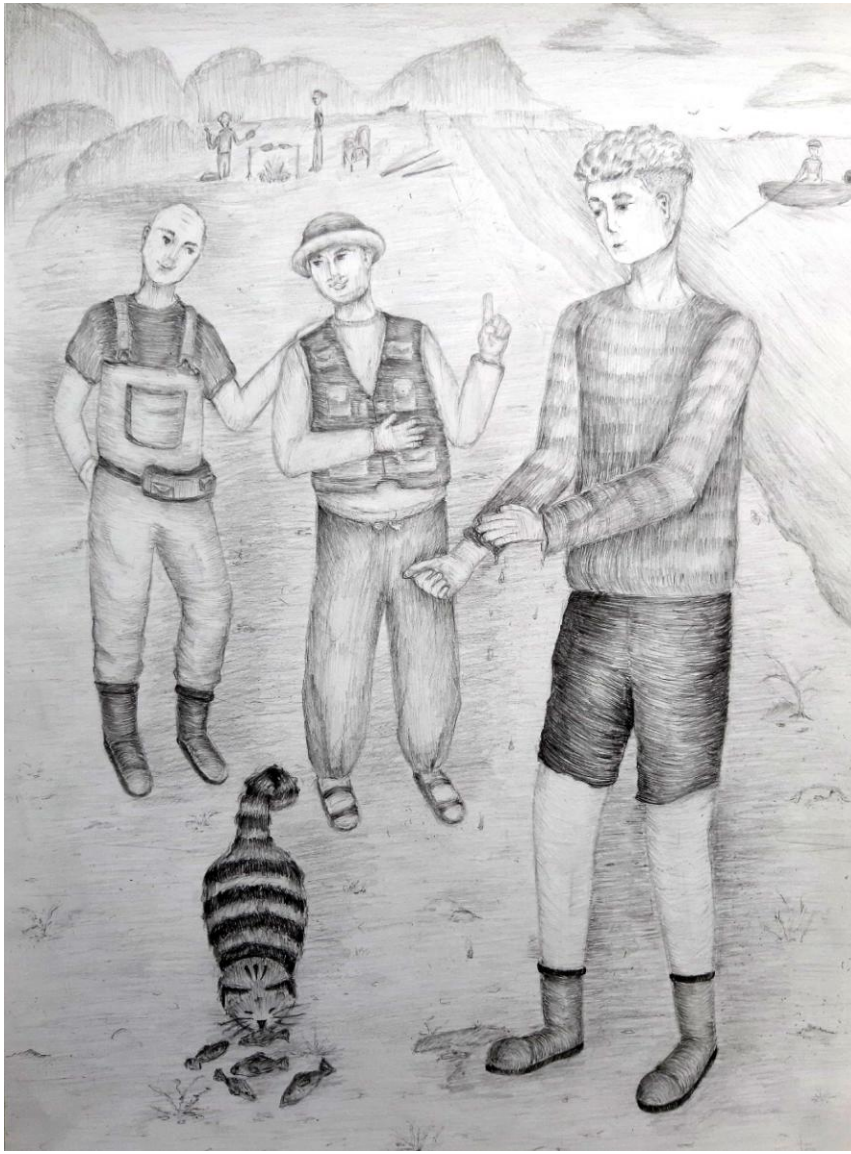
Мухаметова Кира, 14 лет

Боцман

Степан потянулся, глянул на будильник и вскочил, как ошпаренный. Часы показывали половину седьмого. Проспать на рыбалку и в такую, как по заказу, погоду! «Может, застану еще утренний жор. Ведь у меня почти все собрано», – подумал Степан, спешно одеваясь. Он достал из холодильника приготовленный «тормозок», запихал его в рюкзак. Вывел велосипед и с ускорением покатил к пруду. Вдруг на его спине что-то... зашевелилось. Степан оторопел. Что за чертовщина? Через секунду-другую он услышал жалобное мяуканье. Степан остановился, скинул рюкзак, развязал. На него глянула невинная мордочка их домашнего котенка.

– Боцман? Как ты сюда попал? Куда теперь тебя девать? Ладно, уж поехали вместе.

Расстегнув верхние пуговицы штормовки, Степан усадил под нее кота. Вперед! А тот, словно кенгуренок в материнской сумке, выставив передние лапки и рожицу, с любопытством и страхом взирал на надвигающиеся на него дома и деревья. «Как он туда забрался? – нажимая на педали, размышлял Степан. – А-а... Я же рюкзак оставил незавязанным. Боцман в поисках рыбы и залез в него. Да, видно, и уснул. Вот шалапут». Этот пушистый в серо-беленькую полоску комочек появился в доме полгода назад. И сразу стал всеобщим любимцем. Кличку ему дал бредящий морем Санька, сын Степана. Из домочадцев Боцман особо выделял хозяина. Наверное, потому, что тот пристрастил его к свежей рыбе. Лакомство это котенок полюбил до безумия. Он с одинаковой жадностью ел и сорожку, и колючих ершей. Когда Степан, пропахший костром и рыбой, вваливался в прихожую, Боцман с ходу

Мусихина Анастасия, 14 лет

бросался ему на грудь, ловко перелезая затем на рюкзак. Так с урчащим, вцепившимся в вещмешок котом, Степан и опускал поклажу на пол. На просмотр этого «спектакля», как правило, собиралась вся семья. Особенно забавно было наблюдать за Боцманом, пытавшимся в прыжке дотянуться до рыбешки, которую за хвост держал Санька:

– Боцман, рыба!

На этот клич кот кидался сломя голову, где бы ни был. Как-то Санька, наклонившись, прошептал на ухо эти слова, сладко спавшему на диване, котенку. И поплатился за обман. Боцман так хватил его лапой по носу, который, очевидно, со сна принял за рыбу, что Санька целую неделю ходил с царапинами.

...Степан закинул три донки, пристроил к ним колокольчики. И в ожидании клева присел на берегу. Котенок, впервые попавший из домашней обстановки на волю, ошалел. Все ему было интересно. Вот на травинку присела стрекоза. Боцман, припав к земле, неслышно пополз к неизвестному существу. Но тут его внимание отвлекла трясогузка. И Боцман, бросив стрекозу, кинулся к птичке. Когда та легко вспорхнула в синюю высь, котенок разочарованно-недоуменно округлил глаза: «Как так? Только что была тут и – не стало. А я почему не летаю?».

Степан, наблюдая за котом, совсем забыл про удочки. Звон колокольчика напомнил ему о главной цели его приезда на водоем. Рыбацкое сердце забилось в радостном предчувствии. Степан подбежал к средней донке. Короткая подсечка, и леска натянулась струной, по которой в его руки передалась приятная тяжесть. Вот, блеснув широким серебристым боком, на мелководье показалась и рыба. Это был добрый, килограмма на полтора, лещ. Не давая слабины, Степан потянулся к подсачнику...

И тут произошло невероятное. Боцман, увидев у самого берега «живое лакомство», бросился в воду и вцепился своими острыми когтями в леща. Поводок, не выдержав двойного веса, лопнул. Освободившись от лески, лещ пытался вернуться в глубину. Но ему мешал сидевший на спине кот. Воля к жизни, однако, взяла верх: лещу удалось сдвинуться с мелководья. И он, вместе с котом, похожим в этот миг на мчавшегося на водных лыжах спортсмена, устремился в глубину. Боцман отчаянно замяргал, но добычу не отпускал, да и не мог: острые когти, пробив чешую, застряли в теле леща. Степану, так и не успевшему дотянуться до подсачника, раздумывать было некогда: «Черт с ним, с лещом! Кота надо спасать», – мелькнуло в голове. И Степан, словно вратарь, вынимающий трудный мяч из нижнего угла ворот, в «красивом» прыжке в самый последний момент схватил Боцмана. Доставая кота из воды, он нимало удивился, когда за Боцманом потянулся и трепыхавшийся в когтях лещ. Не упустил все-таки кот улов! Тут уж Степан не растерялся: другой рукой прижал к себе и леща. Все это произошло в считанные секунды.

На берегу промокших Степана и Боцмана окружили наблюдавшие за этой сценой рыбаки. Одни от души хохотали, приговаривая: «Степан, продай кота. С ним и подсачника не надо. Ну и котяра! Во дает! Ай, да Моська!». Другие разводили костер, третьи из своих садков угощали Боцмана мелкой рыбой. А тот, не обращая внимания на смех, деловито уплетал гостинцы рыбаков.

Красноперый

– Папа приехал! Много рыбы поймал? – подскочили к отцу Настя с Дениской.

– Да есть маленько.

Ну, раз маленько, значит рыбалка удалась. Отец всегда так говорил, чтобы не сглазить. И пока он снимал шубу, валенки с галошами, дети успели уже распотрошить рюкзак.

– Несите таз эмалированный, – скомандовал отец, вынимая из рюкзака рыбацкий ящик.

И когда весь улов перекочевал в таз, ребятишки, присев на корточки, с нетерпением склонились над ним.

– Ого! Повезло тебе, папа.

– А это кто? – тронула Настя пальчиком широкую серебристую рыбину.

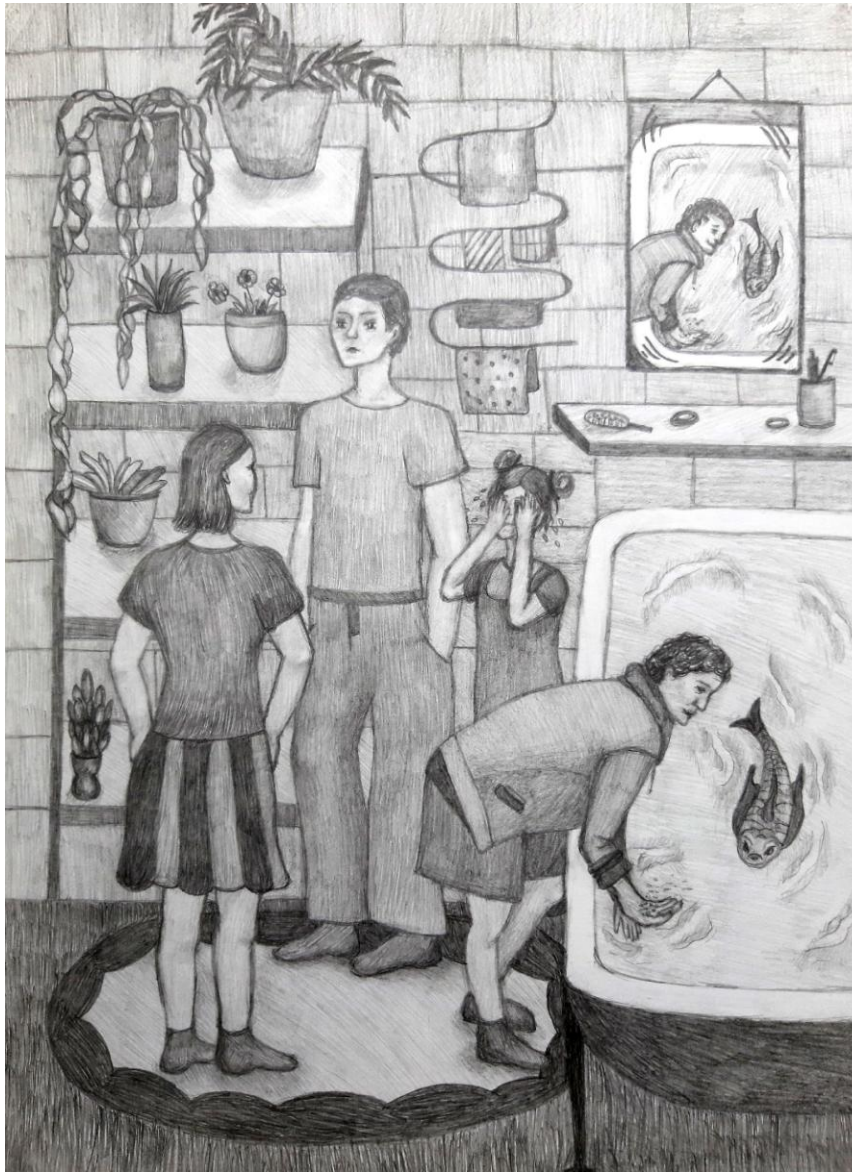
– Эх ты! Не знаешь что ли? Это лещ. А это сорога, – с видом знатока объяснил сестре Дениска, поглядывая на отца, мол, что она, девчонка, понимает в нашем деле. Настя училась в четвертом классе. Дениска – в первом. Но по рыбацкой части он уже не новичок: летом часто ездил с отцом на рыбалку, даже с ночевой. И однажды поймал полукилограммового голавля. А вот подледный лов пока не освоил, на зимнюю рыбалку отец его еще не брал.

– Ой, живая! Шевелится, – Настя испуганно отдернула руку от таза.

– Это окунь. Видишь – с красными плавниками, полосатый и колючий, – просвещал сестру брат.

– Папа! Давай мы его в ванну с водой пустим. Пусть плавает, – загорелась дочь.

– Дело ваше. Только вот приживется ли он в неволе? Воду-то холодную запускай, – крикнул отец вдогонку дочери,

Лузянина Маргарита, 14 лет

которая была уже в ванной.

– Поплыл! Поплыл! – захлопала в ладоши Настя.

– Надо ему «малинки» дать, чтоб с голода не умер. Папа, у тебя остался после рыбалки мотыль? – выглянул из ванны Дениска.

Отец отсыпал из пенопластовой коробочки с десяток маленьких красных червячков. Дениска тут же бросил их окуню под самый нос. Но тот, не обратив на корм ни малейшего внимания, медленно проплыл мимо, знакомясь с новым водоемом. Наполовину заполненная прозрачной водой ванна, на ее ослепительно-белом дне живой четвертной окунь, шевелившиеся в глубине красные червячки – все это выглядело весьма экзотично для благоустроенной квартиры. В этот момент в ванную зашла мама, главный блюститель чистоты и уюта семейного очага. На миг она остолбенела и, не найдя слов, с ужасом взирала на устроенное в ванне подводное царство. Но это длилось не долго.

– Что? Превращать ванну в аквариум? Красноперого какого-то туда запустили! Фу! А это что еще за гадость шевелится? Червяки?! Сейчас же все убирайте! Немедленно! Это ты им потворствуешь? – обернулась к мужу разбушевавшаяся хозяйка.

– Мама! Не надо, пожалуйста! – наперебой умоляли дети. – Смотри, какой он красивый. И червячки – они же маленькие и чистые.

Настя заплакала. Как же так? Ведь только что окунь доверчиво скользнул из ее рук в воду. И этими же руками, вернувшими ему жизнь, она должна выловить его из воды, без которой любая рыба обречена на медленную смерть?...

– А как же белье стирать или самим мыться? Куда

его девать? – уже другим тоном спросила мать, переводя взгляд с всхлипывающей дочери на отца.

– Нет проблем. На это время пересадим его в ведро или таз с водой, – бодро ответил отец, чувствуя перемену в ее настроении.

– И ты туда же, – поворчала она еще для порядка. – Связался с этой рыбалкой, как будто других дел дома нет. Квартиру-то летом что ли ремонтировать собираешься? Так ведь в ту пору вас с Дениской краном с реки не вытянешь. Ох, горе мне с вами, рыбаками. И девчонку взбаламутили. Ну, успокойся, Настенька. Я что, живодер, что ли? Пусть плавает. Только воду почаще меняйте, – уже совсем миролюбиво закончила мать.

– Ура! – закричали дети.

А окунь, совершенно не подозревавший, какая минуту назад ему грозила участь, выплыл на поверхность воды и стоял, пошевеливая плавниками, словно прислушиваясь к людскому разговору. С той поры Красноперый – эта кличка прочно закрепилась за ним – стал полноправным членом семьи. Первые несколько дней Красноперый абсолютно не притрагивался к корму. И ребята загоревали: как бы не пропал без пищи. Но однажды утром Дениска выскочил из ванны с радостным криком:

– Съел! Четыре «малинки» только осталось. А одну прямо при мне заглотил!

Как-то мать, наводя порядок на угловой полочке в ванной, случайно смахнула в воду серую тряпку, которой обычно обтирала выложенные плиткой стены. Заметила свою оплошность только тогда, когда тряпка, намокнув, опустилась на дно, образовав нечто вроде шалашика. В него и спрятался Красноперый, выглядывая оттуда, словно из-под коряги. До того ей это показалось забавным,

что позвала своих домочадцев:

– Идите-ка, посмотрите, что ваш Красноперый устроил.

Настя, Дениска и отец заспешили в ванную.

– А пусть этот домик у него и остается. Вон ему как там хорошо, – глянула на улыбающихся родителей Настя.

– Пускай. Ему и положено какое-то укрытие. Да и ландшафт разнообразился, ближе к природному стал, – рассудил отец.

– Может, ему еще песочку да галек с улицы принести? – пошутила мать. – Еще ближе к природе будет.

– А что? Я могу. Вот только снег растает. Да и сейчас можно разрыть, – принял за чистую монету предложение матери Дениска. – Папа, а у него могут появиться мальки?

Родители загадочно переглянулись. И когда отец в доступной форме объяснил происхождение пресноводных, Денис сделал молниеносный вывод:

– Так ты поймай самку. Запустим ее к Красноперому. И ему не скучно будет. И окунишки появятся.

До «размножения», правда, дело не дошло, да и Дениску уже увлекла другая идея. Однажды, увидев по телевизору дрессированных дельфинов, прыгающих через кольцо и берущих из рук человека пищу, он решил обучить этому и Красноперого. И кое в чем преуспел. Брать мотыля из рук Красноперый не отваживался, но через железное кольцо, которое Дениска на веревочке опускал к конуре, он важно проплывал, даже не касаясь его.

Прошло месяца полтора. Красноперый совсем уже обжился в домашнем водоеме. Всей душой полюбили его Настя и Дениска, подолгу наблюдавшие за повадками окуня.

Нередко к детям присоединялись отец с матерью. И после семейного общения с Красноперым, ребята охотнее, без пререканий, помогали родителям по дому. Да и те выглядели менее уставшими и раздраженными, как бывало иной раз после работы. Даже мать, поначалу принявшая в штыки ребячью затею, в душе гордилась тем, что именно она дала кличку Красноперому.

...Но однажды в субботнее утро всех в квартире переполошил захлебывающийся Настин плач. Она проснулась раньше всех. А кто первым вставал – так уж повелось в семье, – тот первым и заглядывал в ванную проведать Красноперого.

– Мама! Красноперый умер... Кверху брюхом лежит. Не шевелится.

Все кинулись в ванную, где действительно на поверхности воды с раскрытыми жабрами, вверх брюхом неподвижно лежал Красноперый... Настя не унималась от слез. Дениска крепился, но глаза его тоже заполнились влагой. Уже пожелтевшего и затвердевшего отец достал окуня из ванны. Другой ладонью он почерпнул пригоршню воды, понюхал:

– Вот дряни! С хлором на водозаборе переборщили. Вон как воняет. Кто же в такой воде выживет?

Потерю красноперого друга ближе всех к сердцу восприняла Настя. Она потеряла аппетит, стала замкнутой, в дневнике вместо привычных пятерок и четверок, появились троечки. На какое-то время Настя находила утешение, играя с любимой куклой Аленкой, с которой до сих пор не расставалась. Но это длилось недолго. Казалось, и Аленке передалась ее печаль... Отец с матерью всячески старались растормошить дочь. Но даже, когда в доме появился большой настоящий аквариум с красными

и золотистыми рыбками, живого интереса она к ним не проявляла. Отец уж засобирался, было, на рыбалку, чтобы привезти другого Красноперого, да жена отговорила: а вдруг повторится история? Тогда снова трагедия, душевная травма.

Все разрешилось само собой. Как-то дочь, вернувшись из школы, озабоченно сказала матери:

– Нам задали сочинение «Мой четвероногий друг». Мама, а мне о ком писать? Ведь у нас нет ни кошки, ни собаки.

– Вот что, Настенька, напиши о нашем Краснопером.

– А можно?

– Почему бы и нет? Ведь он был твоим другом. Вот и расскажи своими словами о нем.

Задумалась Настя. А пообедав, удалилась в детскую комнату и до глубокого вечера сидела над тетрадкой, сочиняла – что-то перечеркивала, переписывала набело. Даже от «спокойки» отказалась.

«Пусть выговорится в сочинении, авось, полегчает», – рассудили родители между собой. А Настя, похоже, все свое детское бесхитростное сердце вложила в рассказ, потому что сил у нее хватило лишь на то, чтобы сложить портфель. Даже ужинать не стала. Легла и сразу уснула.

На третий день Настя, оживленная, с румянцем на щеках, с порога радостно сообщила:

– Мама! А мне Мария Николаевна за сочинение о нашем Краснопером пятерку поставила! И зачитала его перед всем классом. Димка с Пашкой в перемену пристали ко мне, все выпытывали, что да как, да чем кормили.

– Молодец, Настенька! – улыбнулась мать.

Позднее, на родительском собрании Мария Николаевна отвела мать в сторонку:

– Вы знаете, Любовь Степановна, я ведь Настино сочинение читала и коллегам в учительской. Некоторые даже прослезились. Хорошо, с душой написала.

...Красноперого давно нет. Но сочинение о нем, написанное крупным детским почерком, мать до сих пор хранит в шкатулке с документами.

Мураш

Однажды морозным декабрьским вечером отец принес под шубой крохотного щенка. Поставил его на пол. Черно-белый комочек неуклюже двинулся к печке. Сыновья-погодки Егорка и Васятка, дочка Настя окружили щенка, гладят:

– Ой, какой хорошенький!

– А маленький-то какой! Как муравей ползает.

– Вот и назовем его Мураш. Согласны? Вы же просили щенка. Так что ухаживайте за ним, кормите. Да Петровича благодарите. Вон какой подарок он для вас к Новому году сделал, – отец лукаво глядел на детей, скидывая валенки.

И стал Мураш жить в дружной крестьянской семье. К лету он превратился в ладного озорного пса с крепкими лапами, длинной шерстью и мягкими вислоухими ушами. Ну, вылитый Белый Бим-Черное Ухо, только пока ростом пониже да в груди поуже. Мураш так привязался к ребятам – ни на шаг не отстает. Они на лыжах с гор катаются – и он за ними с веселым лаем, где бегом, где кувырком. Они в футбол играют – и он у них под ногами путается, норовит мяч укусить. А еще у Мураша обнаружились музыкальные способности.

Как-то напарившись в бане и отужинав, отец, помолодевший, подмигнул матери:

– А что, Любаша, давай-ка споем, как бывало в молодости! Где мой инструмент?

С первых аккордов «Уральской рябинушки», откуда ни возьмись, выскочил Мураш, сел перед хозяином, уставился на гармонь и вдруг, подняв морду кверху и слегка наклонив голову набок, «запел»:

– У-у-у! У-у-у!

Получилось до того потешно, что супруги, забыв о дуэте, с улыбкой наблюдали за лохматым певцом. А тот, не отрывая взгляда от гармони, старательно выводил мелодию, по-собачьи выразительно закатываясь на высоких нотах. Стихла мелодия – оборвалось и «пение» четвероногого артиста. Егорка, Вася и Настя дружно захлопали в ладоши. А Мураш, как-то виновато поджав хвост, словно стесняясь проявления своих чувств, скрылся на кухне. Но едва отец заиграл другую песню «Вот кто-то с горочки спустился», как Мураш снова выбежал «на сцену» и заголосил:

– У-у-у! У-у-у!

– Ишь ты, певец какой выискался! А мы-то тебя Мурашом назвали. Певцом или Артистом надо было, – засмеялся отец.

В тот вечер сыграл он и свои любимые фронтовые песни «Катюшу», «Огонек», «Землянку» и «Ой, цветет калина...». Мураш не пропустил ни одной, добросовестно «вытягивая» мелодию – где-то жалобно, где-то задорно подлаивая.

С той поры, едва услышав переливы тальянки, Мураш сломя голову, летел к гармонисту и начинал свой «сольный концерт». К песням же, звучащим по радио и телевизору, Мураш почему-то относился без особого

Мезенцева Алиса, 12 лет

восторга. Остановится, прислушается, но подпевать отказывался. И даже среди песен, исполняемых отцом на гармони, у него определилась любимая – «Уральская рябинушка». Оттого ли, что он услышал ее первую в своей жизни, то ли в ней он нашел особую лирическую напевность, но при звучании этой мелодии Мураш вел себя крайне возбужденно. При ее исполнении у него даже слезы катились из глаз.

Грибов тем летом уродилось на славу. С пустой корзиной никто не возвращался из леса. Причем, синявки почти не брали, несли отборные красноголовики да боровики. Отпросились однажды за грибами Егорка, Васятка и Настя. Взяли с собой и Мураша. Впервые попав в лес, он

с лаем, как угорелый, носился от одного к другому. Но вот его внимание привлек какой-то шорох в кустах. Мураш, стремглав, бросился на звук и скрылся в густой листве. Увлеченные тихой охотой дети не сразу заметили исчезновение друга.

– А я-то белый нашел! – радовался Васятка.

– И я! – не отставал от него Егорка.

– А мне под осиной сразу три красноголовика попались! – хвасталась Настя.

Когда все сошлись вместе, почти одновременно спросили друг друга: «А где Мураш?».

– Мураш! Мураш! Мураш! – в голос закричали дети. Прислушались. Никого.

Они вернулись на поляну, где, как им показалось, видели Мураша в последний раз. И там никого не было. Они снова устремились в чащу леса, продолжая кричать и свистеть. Мураш не появлялся. Егорка с Васей даже на березу залезли, оттуда сверху высматривали и звали собаку. Безрезультатно. Все знакомые урочища и лога исходили дети, но Мураша нигде не обнаружили. Усталые, полуголодные, до слез огорченные потерей друга, они возвратились домой.

Отец, узнав о пропаже любимца, успокоил ребят:

– Подождем до утра. Ни одна собака в лесу не заплутает. Найдет дорогу и наш Мураш, если с ним ничего не случилось...

Но то ли от первого знакомства с тайгой в Мураше проснулся зов диких предков, и он, почуяв волю, добровольно остался в лесу. То ли, увлекшись погоней за дичью, так далеко убег, что по неопытности не нашел дорогу к дому или забрел в соседнюю деревушку. То ли пал от клыков при встрече с другим, более сильным зверем,

во что никому не хотелось верить. Но, так или иначе, Мураш не появился и к утру.

– Папа, пойдем с нами искать Мураша, – едва проснувшись, со слезами на глазах пристала к отцу Настя.

Ее горячо поддержали и братья.

– Пойдем, папа. И возьми с собой гармошку. Может быть, он услышит ее и прибежит к нам, – первым догадался Егорка.

– Да вы что? Сенокос в разгаре. Какая тут гармошка?

Но они так настойчиво умоляли отца, что тот, наконец, сдался:

– Ладно, только до гаража схожу. У механика отпрошусь.

Механик Петрович, тот самый, что подарил щенка, поворчал для порядка:

– Такая погода стоит. Сено пересыхает. А ты в лес, собачку искать. Ну ладно, – смягчился Петрович. – Ступай. За тебя сегодня Николай поработает. Трактор его уже на ходу, отремонтировали. А из Мураша, кстати, дельный пес выйдет. Так что без него не возвращайся.

Наскоро перекусив, Егорка, Вася, Настя и отец с гармонью под мышкой вышли за околицу деревни. Зайдя в лес, дети, перебивая друг друга, хором закричали:

– Мураш! Мураш! Мураш!

В ответ тишина. Только от легкого ветерка на осине шелестели листья. Да где-то невдалеке журчал лесной ручеек.

– Папа, давай музыку, – тронул отца за рукав Васятка.

Отец развернул тальянку и заиграл «На сопках Манчжурии». Правда, на сей раз не было в этой, присущей для вальса мелодии, широты, величия и торжественности. Скорее грусть и тревога. Так, с музыкой, прерываемой в минуты затишья ребячьими криками и свистом, дали

они по лесу добрый крюк, прочесывая самые глухие отдаленные уголки. Мураш так и не подал голоса. Только однажды на просеке на звук гармони с почти полной корзиной грибов вышел еще довольно крепкий старик Трофимыч, в прошлом деревенский кузнец.

– Ты что, Степаныч, никак задумал грибы в пляс пустить, чтобы они тебе сами в лукошко прыгали? – хитро сощурился старик.

А вникнув в суть дела, дед пустился в рассуждения:

– Ежели он домой не возвернулся, поди, уж и в живых нет. Либо приглядел кто, увел с собой. А что? Шапку-то из него ладную можно сробить. Ну, будя, будя! Не шемутитесь. Я ведь так, к слову. Увижу пса, дам знак. Подсоблю, ежели что...

До полудня бродили по тайге отец и дети в поисках Мураша. Ни Настя, ни Егорка с Васей ни разу не пожаловались отцу на жару и усталость. Казалось, отчаянье вот-вот одолеет их, но они крепились, не подавали виду, по-детски надеясь на чудо. Выйдя на крутой берег лесной речушки, отец глянул на изможденных, покусанных оводом ребятишек:

– Давайте-ка отдохнем здесь немного. Водицы испьем, ополоснемся.

Егорка с Васей побежали к речке. Отец положил гармонь на траву и присел на пенек.

– Папа, подожди! – всполошилась вдруг Настя. – Ты же сегодня еще не играл любимую песню Мураша про рябинушку. Ну, попробуй! Только погромче.

Отец не верил в чудеса, но дочка с такой мольбой смотрела на него, что он потянулся к гармони. Над рекой разлилась пронзительно-чарующая мелодия русской песни. И вдруг! В промежутках между куплетами, когда гармонь

на мгновенье затихнув, набирала воздуха для припева, раздалось приглушенное, до боли знакомое «У-у-у!».

– Он! Мураш! Живой! Вон там он! – Настя скатилась с обрыва и берегом, вверх по течению, помчалась к ивовым зарослям. За ней побежали и остальные. Метрах в двухстах от того обрыва и нашли Мураша, который увидев их, рванулся, было к ним навстречу, но обессиленный упал на траву, словно его что-то держало. Этим «что-то» оказался капкан. В него и угодил Мураш левой задней лапой. От места, где лежал Мураш, до самой воды по траве тянулся засохший кровавый след... Отец ножом раздвинул заржавевшие жесткие пластины, освободив беднягу от мертвой хватки стального изобретения человека. Оторвав подол нательной рубахи, он перевязал перебитую лапу Мураша. А тот преданно глядя на освободителей, все пытался лизнуть в лицо и Настю, которая гладила его по спине, и склонившихся над ним Егорку с Васей.

Отец зачерпнул кепкой воды и, стараясь не расплескать, понес Мурашу.

– Пей, Мурашик, пей, дорогой. Да поправляйся скорей. Мы еще споем с тобой. Пей, водичка хорошая, ключевая, – Настенька продолжала ласкать любимца семьи, который жадно набросился на воду.

Затем отец бережно взял Мураша на руки, и они зашагали к обрыву, где у пенька на полувздохе замерла гармонь...

Сиреневое утро

…И расцвела сирень. В небольшом провинциальном городке, где и возле хрущевских пятиэтажек, и у коттеджей новых русских, не говоря уж о частном секторе, сирень

повсюду бросалась в глаза и в нос. От её пьянящего запаха томно кружилась голова. Принаряженные выпускники школ стайками и в одиночку шагали на экзамены, держа в руках букетики сирени. В них они наверняка уже отыскали соцветия с пятью лепестками и съели их: говорят, повезет на экзамене. И вообще в жизни. Нежные, ароматные цветы, при виде которых в эти еще не устойчиво-жаркие июньские дни даже у самых хмурых прохожих теплело на душе, словно они напоминали людям о вечных ценностях бытия: дескать, мы-то один раз в году цветем, потом увядаем, но зато в течение полутора-двух недель дарим людям радость, а вы, человеки, живете дольше нас, но тратите время на дрязги и скандалы, предаете друг друга. Неужели нельзя иначе? Ведь жизнь так коротка: всего, что задумано, не переделать. Так обратите свои дела и помыслы во благо ближних. И столько в вашей жизни появится причалов Доброты, так необходимых каждому в сегодняшнее время!

В скверике железнодорожного вокзала тоже цвела сирень. Аня хотела, было, сломить веточку, но передумала: по пышному бутону полз шмель. «Живым – живое. А сорву – кому он завтра нужен, увядший цветок?».

Анна работала проводником на поездах дальнего следования. А сейчас была в отпуске, собралась навестить родителей, уехавших в гости в Пермь к внукам, детям старшего сына Семена.

В вагоне электрички посвободнее оказалось купе, где у окна друг против друга сидели мужчина в джинсовом костюме и девочка в легкой панамке, из-под которой виднелась косичка с розовым бантиком.

– У вас здесь не занято?

– Да, пожалуйста, садитесь, – предложил мужчина.

Анна присела рядом с девочкой, достала из болоньевой сумки купленную на вокзале газету со сканвордами, авторучку: три с лишним часа до Перми надо как-то коротать. Боковым зрением Аня видела, как её с неподдельным детским любопытством разглядывает девочка, до этого смотревшая в окно.

– Как тебя зовут? – Аня улыбнулась и отложила газету.

– Даша.

– А я тетя Аня. Сколько тебе годиков?

– Шесть. Скоро семь будет. Да ведь, папа?

Отец кивнул головой.

– Да ты совсем большая. Лето закончится, и в школу пойдешь?

– Пойду.

– Наверное, читать уже умеешь?

– Маленько.

– Молодец, – Аня порылась в сумке и вынула из неё румяное яблоко. – Хочешь яблочко, Даша? Мытое.

– Спасибо, – приняла подарок девочка и тут же вонзилась зубками в сочную мякоть.

Анна подумала секунду и достала из сумки ещё пару яблок. Одно оставила себе, а другое протянула Дашиному папе:

– Угощайтесь.

– Спасибо. Вы бы не беспокоились. Дашенька, у нас же всё есть в дорогу. Или ты уже проголодалась?

Занятая яблоком Даша промолчала.

– Да в поезде всегда кушать хочется. По себе знаю, – ответила за неё Анна.

– Ну, тогда и мы раскинем скатерть-самобранку. Кстати, меня зовут Василий.

На разостланной на скамье газете появились беляши,

печенье, бумажный пакет с апельсиновым соком. Электричка отъехала от станции с музыкальным названием Лямино. В открытые окна ворвался утренний запах сирени.

– Папа, смотри, у тети Ани босоножки точь-в-точь, как у мамы. И прическа такая же.

Василий задержался взглядом на Анне. Но в его глазах было больше грусти, чем любопытства.

– Ты, наверно, Даша, к маме домой и едешь?

– Да, к маме. Только не домой, а на могилку. Утонула наша мама…, – по-взрослому вздохнула малышка.

– Прости, Дашенька, – Аня погладила девочку по голове и вопросительно-сочувствующе взглянула на её отца. – Простите и вы, Василий.

– Дашенька, ты бы погуляла. Вон с мальчиком познакомься. Только в тамбур не выходите, – попросил отец, не зная, куда положить снятую с головы дочери панамку.

– Нет. Я расскажу тете Ане про нашу маму, – тихо ответила Даша. – Она не нарочно утонула. Мама спасала Димку Егорова, когда он катался на коньках по Сылве и провалился под лед. Его вытащила из воды, вытолкнула на лед. А у самой уже сил не хватило. Да и лед обламывался. А рядом никого не оказалось. Когда маму хоронили, все бросали на гроб по горсточке земли. И мне бабушка велела бросить. Я взяла земельку, а она такая холодная была. И я подумала: как маме под землей холодно будет и скучно одной…

Василий, почувствовав, как запершило в горле, не выдержал, встал, погладил дочку по голове, вышел в тамбур. И безучастно, отрешенно глядел на подступающие к поезду еще не набравшие цвета кусты шиповника. Когда вернулся в вагон, увидел: дочь спала на скамейке, положив

голову на колени Анне. Василий снял куртку и укрыл ею Дашу:

– Она ведь за полгода после смерти матери первый раз так разговорилась. Всё в себе держала, замкнулась. Никакие куклы, игрушки её не радовали.

…Колеса электрички застучали по мосту через Сылву. Дашенька проснулась, сладко потянулась и обняла за шею Аню:

– А мне приснилось, что вы моя мама. Она такая же добрая и ласковая была. И звали её тоже Аней. Только папа называл её то Аннушкой, то Анюткой, то Анечкой. И очень редко Нюрой.

Поезд подъезжал к станции Сылва.

– Собирайся, доченька. Нам пора выходить. Бабушка, наверное, твоих любимых шанежек с творогом уже испекла.

– А тетя Аня? Пойдемте с нами. Бабушка очень обрадуется. Тетя Аня, а будьте …моей мамой, – всерьёз предложила Даша.

Она словно хотела продлить сон.

– Дашенька, что ты говоришь? Тете Ане надо до Перми ехать. Её там папа с мамой ждут.

– Ну вот, у всех мамы есть. А у меня нету, – у девочки на глазах заблестели слезинки.

– Хорошо, Дашенька. Я провожу тебя, – с трудом удерживая волнение в груди, готовая сама расплакаться вымолвила Анна.

Втроем они вышли на платформу.

– С первого пути отправляется электропоезд Чусовская – Пермь вторая! – объявил по динамику женский голос.

Аня, держась за поручень вагона, махала рукой вслед удаляющимся отцу и дочери, которые, оглядываясь,

тоже махали и о чем-то говорили меж собой. И вдруг Даша, выпроставшись из отцовской ладони, помчалась обратно, к тете Ане. Она бежала так быстро, что с её головы слетела панамка.

– Мама …Аня! Пойдем …с нами. И папа тоже …зовёт, – отдышавшись, выговорила Дашенька.

Глазенки её вовсю сияли. Двери вагона захлопнулись. К стоящей на перроне Анне подходил и Василий.

… Они шли по главной улице поселка втроем, взявшись за руки. В серединке Дашенька. Она, не умолкая, щебетала, глядя то на отца, то на маму Аню. А вокруг бушевала сирень…

Обида

Саньку разбудил луч солнца. Он прошмыгнул в форточку, спрыгнул с оконной занавески и улегся прямо на лице. Санька попытался, было, сбросить его, повернувшись на другой бок, но через некоторое время почувствовал на щеке нежное теплое прикосновение. «Мама на работу пошла», – догадался он, но, открыв глаза, никого не увидел. Оглянулся и невольно зажмурился: яркий солнечный луч сначала ослепил, а затем словно перелил часть своей энергии в его тело. Саньке показалось, что он наполнился необычайной легкостью и какой-то веселой бодростью.

Он соскочил с кровати, подбежал к окну и, взобравшись на табурет, распахнул окно. В комнату заструился чарующий запах летнего утра. Прозрачную ли утреннюю прохладу, ласковое ли дыхание солнышка ощутил Санька в ту минуту, но сердце его неистово рванулось наружу,

Пикулева Варвара, 11 лет

душа ликовала в предчувствии чего-то хорошего, светлого.

А небо было голубое-голубое, даже немного голубее, чем глаза у Таньки с первого этажа, ни единое облачко не омрачало его голубизны. На березе едва заметно трепетали еще мокрые от вчерашнего дождя, искрящиеся на солнце листочки. Чирикали вездесущие воробушки.

Саньке отчаянно захотелось тотчас выбежать на улицу и крикнуть, сколько есть сил: «Здравствуй, солнце! И ты, березка, здравствуй!» – подошел бы он к белокурой красавице и тронул бы ее за косы, стряхивая последние дождинки.

Наскоро умывшись, кинулся в большую комнату, отыскал в комоде чистые рубашку и штанишки, быстро оделся: не хотелось в такой день появляться на улице грязным. Вот Санька уже в сенях. Толкнул дверь. Что такое? Нажал сильнее. Ничего не получилось. Возвратился назад. Только сейчас он заметил, что совершенно один в доме. Ну да, все верно: мать с отцом ушли на работу, сестры в деревне (он тоже был бы сейчас там, если бы перед самым отъездом не порезал ногу, купаясь в речке Лысьве). А бабушка увела корову Зорьку в стадо на выгон. Бабушка и закрыла дверь на ключ.

Все это пронеслось в его голове, ничуть не заглушая самой главной мысли: «Как выбраться на улицу?». А жили они на втором этаже. Санька стоял у окна и смотрел вниз: «А может, попробовать с зонтом прыгнуть, как тогда зимой Женька с крыши. Хотя зонт у него сломался, но ему повезло: снег был глубокий, а сейчас лето, не выйдет». И вдруг взгляд его остановился на бревне, служившем опорой их довольно ветхому деревянному дому – такие стойки поддерживали его со всех сторон.

«А ведь до этого бревна из окна можно дотянуться»,

– подумал Санька. По нему он и решил спуститься на землю.

«Подумаешь, высота, ни сколько не страшно. Что я, маленький что ли? Лето кончится – в школу буду уже ходить», – цепляясь за бревно, Санька спускался все ниже. Наконец его сандалии коснулись земли.

«Молодец, малыш! Не испугался», – первым одобряюще улыбнулось ему солнце. А деревья в палисаднике, такие умытые и зеленые, приветливо тянулись к нему ветвями. Душа Санькина пела, в этот миг он обнял бы всю землю от начала до конца, если б у него были такие длинные руки.

...Неожиданно и как будто издалека над Санькиной головой раздался знакомый бабушкин голос:

– Ах, варнак, ты этакий! Ни на минуту нельзя без присмотру оставить. Давеча наказывала: не ходи никуды без спросу. Вон чё выдумал! А упади, расшибись – было бы мне тогда от твоей матери. На-ка, получай!

И над ним взвилась веревка, на которой бабушка обычно отводила Зорьку в стадо.

– Ишь ты, еще и вырядился! – приговаривая, продолжала она, – А ну, марш домой!

Но Санька как-то вырвался из ее крепких узловатых рук, убежал в огород, сел на завалинку и горько заплакал. Нет, нет, вовсе не от боли, ему ни капельки не было больно, но тугой комок горечи застрял в горле. Он даже плакать не мог, получалось какое-то судорожное всхлипывание: «За что, бабушка? Что я сделал плохого? Неужели ты сама не заметила, какое сегодня красивое солнце?».

... А небо было голубое-голубое, почти такое же, как глаза у Таньки с первого этажа.

Санькины каникулы

– Вот так. Море-то нам «улыбнулось», – сказал отец, придя с работы. – Зарплату и отпускные задерживают. И неизвестно, когда выдадут.

Услышав это, Санька помрачнел. Он уже жил мечтой о море, подсчитывал дни до отъезда в Анапу.

– Да ты не переживай. Устрою я тебе каникулы. А не махнуть ли нам всем на пару недель в Григорьевское? – отец вопросительно глянул на жену и дочь.

Через два дня они вчетвером шагали до села со станции пешком. Чем ближе к нему подходили, тем оживленнее становился отец. «Вот здесь мы пацанами грибы собирали. А в этой речушке пескарей ловили. Ух, и заросло то как все. Однажды вон на той излучине у бати – мы с ним в тот раз рыбачили – подлещик крупный клюнул. Да у самого берега сорвался, запутался в осоке. Так батя прямо с обрыва в одежде прыгнул в воду. И ведь поймал руками», – отец смеется. И в эту минуту он сам похож на мальчишку.

Родственники – двоюродные братья и сестры отца – встретили гостей из города радушно, с присущим для селян хлебосольством. На столе появились пупырчатые малосольные огурчики, рыжики в сметане, холодец, окрошка с квасом. Тетя Маруся вынула из русской печи пироги – с солеными грибами и картофельный, шаньги с творогом: «Самый раз угадала к приезду». Саньке больше всего понравился пирог с тонко нарезанными ломтиками картофеля и луком. Такой мать еще не пекла. Уже за обедом у взрослых пошли разговоры о жизни, на них нахлынули воспоминания. «А ты помнишь? С покоса раз возвращались, гроза хлынула. Мы с Витькой рубахи скинули,

скатали их – и под мышку, чтоб не замочить. Да по лужам босиком – только брызги летят! А Женька нюни распустил, как мокрая курица съежился. Умора!» – «Да как не помню! Тогда еще дедушка с нами наперегонки помчался». Воспоминания о детстве продолжались и во дворе, куда братья вышли подышать свежим воздухом, присев на скамейку, сколоченную еще дедом.

– Вам куда стелить-то? – прервала их беседу тетя Маруся.

– Конечно, на сеновал. Куда же еще? – в голос ответили мужики. – И Санька с нами. Так ведь?

Поначалу Саньке показалось на сеновале неуютно, даже страшновато: ему все казалось, что в углу скребутся мыши. Но сморенный долгой дорогой, он вскоре уснул. Его разбудили голоса во дворе. Было уже светло. Ни отца, ни его братьев на сеновале не оказалось. Санька полежал еще, прислушиваясь к разговору.

– Так забирай лодку да езжай на пруд с Санькой рыбачить. А завтра на покос пойдем. Плывите в верховья – там лучше клюет, – говорил дядя Миша отцу. Ответ отца он не расслышал из-за ритмичных постуков молотка по какой-то железяке. Это дядя Миша отбивал литовки, о чем Санька позднее узнал от отца. Между ударами молотка Санькино ухо затем уловило какие-то новые звуки, наподобие чирканья. Тут уж он сам догадался: тетя Маруся доила Зорьку, тонкие тугие струйки молока, ударяясь о дно подойника, и издавали эти звуки.

Он огляделся и замер от восхищения: сквозь щели сеновала пробивались золотистые лучи солнца. Они, словно прожекторы, освещали сеновал. Один из них был совсем рядом. Саньке казалось, затронь рукой, и он зазвенит, как гитарная струна. Высвеченные лучом пылинки

в легком танце кружились на прямой, как стрела, солнечной дорожке. Иные пылинки, отвальсировав, беззвучно уплывали в темноту, а на их месте, кружась, появлялись новые пары. Такого чуда Санька не видал.

– Подъем, мушкетер! – прервал его наблюдения появившийся в проеме сеновала отец. – Собирайся на рыбалку. Женщины за малиной в лес надумали идти, а мы с тобой карпа поедем ловить.

Наскоро выпив по кружке парного молока, они огородом (по пути прихватили пару свежих огурцов с грядки) вышли к пруду. Острые верхушки елей цеплялись за восходящее солнце, словно стараясь удержать его, но это им никак не удавалось. Когда отец с Санькой подплыли к месту рыбалки, солнце уже оторвалось от кромки леса, засияв во всей своей красе. Купаясь в его лучах, ржаное поле дохнуло на рыбаков поспевающей теплотой. По отлогому берегу пруда прошло деревенское стадо, нарушив утреннюю тишину звоном колокольчиков да хлопаньем пастушьего кнута. И снова тишина.

На зеркальной водной глади замерли два поплавка. Вдруг один из них, слегка дрогнув, медленно-медленно поплыл к камышам.

– Подсекай! Но не слишком резко, – скомандовал отец. – Это карп подошел.

Санька дернул удочку, и на другом конце лесы почувствовал сопротивление. От неожиданности он чуть, было, не выпустил удочку из рук.

– Есть! – закричал он. – Попался!

– Не спеши! Сейчас главное слабины не давать. Пусть выдохнется. Держи в натяге, – советовал отец, а сам потянулся за подсачником.

Конец Санькиного удилища согнулся в дугу. Леска

ходила кругами: то стремительно погружаясь в воду, то удаляясь в сторону от лодки.

– Слабины, слабины не давай! И помаленьку подтягивай к поверхности. Пусть воздуха глотнет, тогда он сразу силу потеряет. Тут его и подводи к лодке, – отцу хотелось перехватить у сына удилище и показать, как это делается. Но он сдержал свой рыбацкий азарт.

Минут пять продолжалась борьба с крупной рыбиной. Саньке эти минуты показались вечностью. Он весь горел от возбуждения, ему не терпелось поскорее увидеть свою добычу, однако к советам отца прислушался. Рыба еще раз сделала попытку освободиться от крючка, но Санька почувствовал, что прежней резкости в ее бросках уже нет. Вот на поверхности воды показалась голова карпа. Он жадно глотнул воздух широко раскрытым ртом и, действительно, как-то сразу обмяк.

– Вот сейчас и подтягивай, – уже спокойнее сказал отец, держа наготове подсачник.

Через секунду-другую на дне лодки трепыхался живой килограммовый слиток золота. Санька не сводил с него глаз.

...Три с половиной недели пролетели незаметно. Лежа на верхней вагонной полке, Санька перебирал в памяти проведенные в Григорьевском дни и не мог определить, какой же из них больше всего ему запомнился. Он во всех подробностях вспоминал и то утро, когда поймал карпа (ох, и вкусный пирог испекла из него тетя Маруся!) и сенокос, особенно когда на машине везли сено, а они с отцом сидели верхом на возу, и полуночные часы у костра, который деревенские пацаны жгли по вечерам за околицей у реки. Они научили его ездить и на мотоцикле, и верхом на лошади. Его мысли прервал отец:

– Ну что, Саня, следующим летом на море?
– А может быть, снова в ….Григорьевское?

Подснежники на помойке

Ясным весенним днем – это было 6 мая – шагал я по дамбе через лог. Глянул влево – по склону к ручью «текла» огромная куча мусора: банки, склянки, бутылки, рваные полиэтиленовые кульки, железяки, бросовое тряпье... И это, считайте, почти в центре города. Глянул вправо, вверх по течению ручья. То же самое. Хоть бы глазом зацепиться за что-нибудь приятное. Только подумал об этом, и вдруг на правом, более пологом берегу ручья, который еще не успели окончательно захламить, среди ивняка заметил какие-то маленькие белые пятнышки на зеленых островочках.

Батюшки! Да это же подснежники. Я не поленился – с дамбы спустился в лог и нарвал небольшой букетик.

Когда укладывал цветы один к одному, бросил взгляд и на левый замусоренный берег. И буквально остолбенел – сквозь проржавевшие консервные банки, расталкивая отбросы и обрывки бумаг, тянулись к солнцу белыми головками... подснежники! Какой сильнейший контраст Добра и Зла: хрупкие, первозданной чистоты создания природы на фоне захламленности, устроенной человеком-покорителем природы.

Там, наверху, сновали автобусы, громыхали КамАЗы, тарахтели мотоциклы. Но я этого ничего не слышал. Здесь, внизу, на дне лога, криком кричали подснежники:

– Люди! Не заваливайте нас мусором! Нам тоже хочется любоваться солнцем. Не губите нас! Мы же такие

беззащитные. Если вы думаете, что «подснежник» происходит от холодного «снег», то ошибаетесь. От слова «нежность» берем начало мы, подснежники.

...Эй, дорогие мои соотечественники, вы слышали этот крик?

Юля, Рома и Гриза

(сказка)

Жила-была девочка Юля. Ей недавно исполнилось пять лет. Юля росла веселой, послушной и не по годам рассудительной. Хотя бы такой случай. Как-то увидела в прихожей стоят мамины сапожки носками врозь: так получается, когда левый стоит на месте правого. Она их переставила аккуратно, как положено, и сказала маме:

– Бабушка говорила, это плохая примета, когда так вразнотык ставят обувь. Это, дескать, к ссоре. А я не хочу, чтобы вы с папой ссорились.

А еще она любила все делать сама. Вот и сегодня утром, когда с мамой шла в детский садик, она уже с полдороги отпустила маму:

– Мама, я отсюда сама дойду. А ты иди на завод, чтобы не опоздать на работу. Вдруг начальник твой ругать тебя будет за опоздание и премии лишит. Иди, за меня не беспокойся: дорогу, где машины ездят, мы уже перешли. Да вон уже и садик видно.

Мама поцеловала дочку и быстрым шагом заспешила к заводской проходной. Юля поднялась на второй этаж в группу, повесила кофточку в свой шкафчик, на дверце которого была нарисована ромашка, и подошла к зеркалу. На нее смотрела симпатичная девочка с голубыми глазами

и с красивым розовым бантом на голове. Она улыбнулась, то же самое сделала и девочка в зеркале. В это время к ней подбежал Вовка и дернул за бант. Он развязался. Юля, у которой с утра было такое хорошее настроение, заплакала.

– Ну-ка, сейчас же извинись. А то я, как говорят взрослые, так тебя огорчу – мало не покажется, – сжимая кулаки, наступал на Вовку Ромка.

Вовка знал, что Ромка всех сильнее в группе, потому и отступил, сказав еле слышно: «Юля, извини, пожалуйста».

Дальше в группе все шло своим чередом – зарядка на свежем воздухе, завтрак, музыкальные занятия. После обеда наступил тихий час. Кровати у Юли и Ромы стояли рядышком. Когда все уснули, Ромка прошептал:

– Юль, ты не спишь?

Юля повернулась к мальчишке:

– Нет.

– Знаешь что? – заговорщицки продолжал Ромка. – У нашей воспитательницы Натальи Николаевны сегодня день рождения: я слышал разговор нянечек. Давай сбегаем к лесу на полянку, ромашек насобираем и подарим ей букетик. Это же совсем рядом – садик-то наш у самого леса стоит.

– Давай, – согласилась Юля. – Мне нравится Наталья Николаевна. Думаю, что она обрадуется нашему подарку.

Мальчик с девочкой быстренько оделись и незаметно выбежали из детского сада.

На полянке они нарвали ромашек, сложили их в роскошный букет и собрались уже, было, возвращаться. Но тут Ромка, глянув в сторону леса, предложил:

– Юля, будет здорово, если мы еще и грибов для Натальи Николаевны насобираем. У меня и бейсболка для них есть.

– Пошли, только быстрей. А то скоро тихий час закончится, – сказала Юля.

Дети спустились в небольшой ложок, перешагнули ручеек и очутились на опушке леса. И сразу же удача! Ромка нашел под елкой крепенький белый гриб, а Юля в мелком осинничке – три красавца-красноголовика. Находки так увлекли детей, что они не заметили, как углубились в лес. Потом вдруг резко потемнело, налетел ветер, засверкала молния, загромыхало, и хлынул проливной дождь. Дети укрылись от грозы под разлапистой елью. Ливень, как внезапно начался, также неожиданно и закончился. Но Юля с Ромкой были уже мокрые с ног до головы. И как-то сразу стало холодно.

– Ой, Ромка, что мы с тобой наделали! Как вот сейчас выберемся из леса?

– Не боись, Юля. Я тебя завел, я тебя и выведу, – мужественно заявил юный кавалер.

– А ты запомнил обратную дорогу? – спросила Юля.

– Конечно, меня папа учил, как в лесу ориентироваться. Вон до той березы дойдем, от нее и ложок недалеко будет. А если не так, залезу на березу и сверху увижу все – и полянку, и садик наш.

– Какой, Рома, ты смелый и находчивый, – похвалила его Юля. – А волки бывают в этом лесу?

– Не такие они дураки, чтобы к самому городу подходить. Да и если появится волчара…, – Ромка подобрал с земли сломанную сухую ветку. – Я ему к-а-ак дам по башке вот этим суком, – расхрабрился мальчишка.

В это время из кустов к ним неслышно вышел …огромный волк. Дети в страхе прижались друг к другу и не могли вымолвить ни словечка. Ромка забыл и про ветку, которую держал в руке. Правда, та ветка по сравнению

со здоровенным волком выглядела жалким карандашом. А хищник уселся на задние лапы, сладко зевнул и вдруг заговорил по-человечьи, на русском языке:

– Привет, гаврики! Так кто там хотел суком по голове меня погладить? Ну, что дрожите? Замерзли? Или меня боитесь?

– Да, холодно. И страшно. Ты нас не съешь? – первой подала голос Юля.

– Маленьких не трогаю, – успокоил их волк.

– А ты, Серый Волк, настоящий или из сказки? – спросил наконец и Ромка, бросив сук на землю.

– Во-первых, я не волк, а волчица. И зовут меня Гриза. И не из сказки я, а самая взаправдашная волчица. Не верите? Можете потрогать.

Ромке не хотелось выглядеть перед Юлей трусом, и он, подойдя к волчице, погладил ее по загривку.

– У меня после обеда бутерброд остался. Хочешь, Гриза, я тебя угощу? – совсем осмелел Ромка.

– Спасибо. Ты, оказывается, не жадный. Ну, давай попробую. Посмотрим, чем люди питаются.

Гриза в один момент проглотила бутерброд, облизнулась и сказала:

– Вкусно.

– Почему вас зовут Гриза? – подошла поближе к волчице и Юля.

– Тут, ребята, такая история вышла. На той неделе гуляла я по бережку лесной речки. Смотрю, мужик закинул сеть, перегородил ею от берега до берега всю речку. Потом срубил топором березку, ветки обламывает с нее и веники вяжет. А я терпеть не могу браконьеров. Ну, пришел ты в лес, на природу, так не губи все подряд. И рыбачат настоящие туристы на удочку, а не сетью

черпают рыбу, чтоб другим ничего не досталось. Такое зло меня взяло. Ну, и шуганула я браконьера. Бежал он, как олимпийский чемпион – только пятки сверкали. И рюкзак свой бросил. Притащила я его к себе в логово. А в рюкзаке оказался новенький ноутбук. Отдала его поиграть моим детишкам. А они у меня очень смышленые. И пока батарейки не сели, все осваивали компьютер. И меня научили пользоваться им. Вот по компу я и изучила русский язык. И даже на французский заходила, откуда и узнала, что Grise в переводе с французского означает Серая. Вот теперь все в лесу меня и кличут Гризой. Это вовсе не из-за того, что я люблю что-нибудь погрызть, особенно косточку. Вот такая получилась лесная история. А вы-то как здесь очутились?

– За ромашками для нашей воспитательницы ходили на полянку, и грибочки еще собирали. А тут гроза, мы и убежали в лес под елку, – перебивая друг друга, рассказывали дети.

– Вон чего. Вы же до нитки промокли. Так и простудиться недолго. Это нам, волкам, с толстой шкурой, холода нипочем. А люди-то, особенно их детишки, не приспособлены к таежной жизни. Ладно, выручу вас. В том рюкзаке еще и спички завалялись. Сейчас принесу. Костер разожжем. Согреетесь, обсохните. А пока дровишки готовьте. Ждите меня здесь, – и Гриза серой стрелой сорвалась с места.

Ромка с Юлей насобирали тонких еловых веточек, нашли бересту, сложили все это под валежину. Тут и Гриза примчалась. Ромка с первой спички – сказалась наука отца – разжег костер. И наши друзья сгрудились возле огонька. Тут, к счастью, и солнышко выглянуло. От костра да от солнышка ребятишкам совсем тепло стало.

И одежда подсохла. Как всегда, первой спохватилась деловая Юля:

– Сколько же сейчас времени? Нас ведь, наверное, потеряли. Поди, уже и ищут. Ой, попадет нам крепко от Натальи Николаевны. Как бы нам быстрей до садика добежать?

– Pas de problemes – нет проблем, – по-французски с переводом ответила Гриза. – Садитесь ко мне на спину. Я вас в один миг до полянки примчу.

Дети уселись на спину волчице. И у них только ветер засвистел в ушах – так быстро бежала Гриза. И только у ложка ей пришлось затормозить. Тот ручеек, что Юля с Ромкой перешагнули до грозы, превратился в бурную речку.

– Ничего, ребята, не бойтесь. Сейчас переплывем. Только крепче держитесь за гриву, – посоветовала им Гриза.

Через пару минут все трое были уже на другом берегу, на полянке, откуда уже виднелся и детский садик.

– Спасибо большое, Гриза. Отсюда мы и сами добежим. Ты очень добрая. А хочешь, мы тебе новые батарейки к ноутбуку принесем и оставим под той же елью, где мы встретились?

– Вот за это я вам была бы очень благодарна. Au revoir, mes petits enfants! До свидания, малыши! – помахала им лапой Гриза и бросилась к лесу.

… – Юленька, Рома, просыпайтесь. Тихий час закончился, – тормошила детей Наталья Николаевна.

Юля с Ромкой в недоумении открыли глаза. Неужели им все это только приснилось? Тогда почему на тумбочках возле их кроватей лежали …букет ромашек и ромкина бейсболка, полная отменных грибочков? Они

протянули подарки Наталье Николаевне:

– Это вам. С днем рождения!

– Спасибо огромное, ребятки! Как я люблю ромашки! – Наталья Николаевна зарылась лицом в цветы, вдыхая свежий лесной аромат. – А грибочки мы отдадим на кухню. И завтра угостим грибовницей со сметаной всю группу. Хорошо?

– Да! – хором ответили Ромка с Юлей и побежали догонять своих ровесников, которые уже играли в песочной площадке.

– Так все-таки это был сон, или мы с тобой на самом деле ходили в лес и встречались с Гризой? – спросил на ходу Ромка подружку.

– Наверное, все это, Рома, было наяву. Мы просто успели за тихий час вернуться из лесу. Нас никто не заметил, как мы пришли. Все еще спали. И мы уснули да и заспали все, что с нами произошло, – предположила Юля.

– Тогда завтра надо батарейки к елке отнести, – напомнил Ромка.

– Вот в тихий час и сбегаем, – сообразила Юля. – Опыт у нас уже есть.

…Надо ли говорить, чем закончилось это детсадовское приключение? Конечно, когда Роман и Юлия, став стройными юношей и девушкой, еще крепче полюбили друг друга. И поженились. У них родились две девочки и два мальчика. И всей семьей летом по выходным они ходили к разлапистой ели. Дети играли с волчатами, а Роман, Юлия и Гриза жарили шашлыки и вспоминали тот далекий июльский день, грозу и костер. Зимой же они общались по Интернету.

Наташа и Дедюша

(рассказ-быль)

Лет шесть назад дед Андрей приобрел в коллективном саду участок с домиком. Место ему понравилось: грядки на южном склоне («На прогретой земле и растет получше»), от дома недалеко – ровно четыре километра, по спидометру мотоцикла засекал. Если техника забарахлит, так можно и пешочком до сада прогуляться. И самое главное – буквально за садовым забором, только речушку перейти, такой симпатичный осинничек! Ноги сами несут в его прохладу. Выйдешь поутру из домика, спустишься под горку – и собирай грибочки. А уж до них-то дед Андрей дюже охочий. Хлебом не корми – дай по лесу побродить, полюбоваться выбежавшей на опушку семейкой ядреных красноголовиков.

«Да и внучке сад на пользу пойдет. Пусть к земельке приучается. И воздух здесь почище. Хоть от заводской копоти отдохнет», – рассуждал дед Андрей.

В то августовское утро дед Андрей разбудил внучку раньше обычного.

– Наташа, солнышко к тебе скоро в кровать заберется. Пойдешь в лес за грибочками? После дождей они наверняка подросли. Да и кто рано встает, тому Бог подает.

Наташе пять с половиной лет. В сад к дедушке и бабушке ходит с удовольствием. Дед оборудовал ей уголок с речным песочком. Рядом поставил большой таз, где в прогретой воде Наташа пулькается с соседским мальчишкой Пашкой. Раздолье! Есть у нее и маленькая леечка, из которой поливает грядки. Все глядишь, бабушке подмога.

– Дедюша, а ты корзинку мне приготовил? – открыла глаза Наташа.

– Она давно тебя дожидается. И чай с мятой я уже вскипятил, и огурчиков свежих сорвал. Умывайся, перекусим – и в лесочек, где найдешь красныш-грибочек, – стихами заговорил Дедюша.

Так его зовет внучка. Дедушка Андрюша – это очень длинно. Вот Наташа, не подозревая о тенденции в русском языке к экономии произношения, и сократила – Дедюша.

Старый и малый подходили к осиннику, когда солнце только-только оторвалось от острых верхушек елей, которые на горизонте казались голубыми. На листочках и траве еще блестела роса. Лесные пичуги встретили грибников разноголосым пением. У первых же осинок, выбежавших стайкой на опушку, дед заприметил красноголовик – баской, на толстой ножке, с еще нераскрывшейся шляпкой. Но дед специально прошел от него в двух шагах. «Пусть внучка первой найдет гриб». Глазастая девчонка от восторга всплеснула руками:

– Дедюш, а я гриб нашла! Да какой красивый!

– Молодец! Точно, подосиновик! Потому и назвали его так, что под осиной растет. Или, по-народному, красноголовик. Ну-ка, ищи рядышком, в траве. Может, и братьев его найдешь. Любят они семейкой прогуливаться.

Дед Андрей положил срезанный гриб в Наташину корзинку, обошел осинки с другой стороны, нагнулся: парочка маленьких красноголовиков, прижавшись друг к другу, выглядывала на него из травы. Не успел ими полюбоваться, как раздался радостный крик Наташи:

– Дедюша, я еще один нашла!

И вдруг ее радость сменилась недоумением, переходящим в огорчение:

– Ой, это вовсе и не гриб.

На Наташиной ладошке лежала оранжевая пробка от пластиковой бутылки.

– Дедюш, как она здесь оказалась? А я так обрадовалась, думала – красноголовик… , – на глазах у девочки заблестели слезинки.

– Есть, внученька, люди, которым лень обратно нести то, что им уже не надо. Где-то рядом наверняка и бутылка пустая лежит.

А про себя сказал: «Эх, Наташенька, это только начало. Сколько разочарований тебя еще в жизни ждет? Столкнешься и с ложью, предательством, несправедливостью. Выдержишь ли все это, хрупкое создание?».

Минут через десять, когда они перешагивали через срубленные березки, деду опять пришлось держать ответ перед внучкой-почемучкой:

– А это любители попариться напакостили. Ну, нет чтобы нагнуть березку и обломать на веники, так нет, надо под корень срубить. Эх, люди, люди…

– Если так каждый начнет делать, то здесь и леса не будет?

– В том-то, Наташа, вся и беда. Так пойдет – и грибов здесь не останется.

– А если милицию позвать?

– К каждому дереву, внученька, милиционера не приставишь. Самим нам – и тебе, и мне, и соседям – надо беречь природу. Тогда и дети твои будут в этом лесу грибы собирать.

Корзинки их были уже почти полными, когда дед с внучкой вышли на островок, огибаемый со всех сторон наезженными, с глубокими колеями дорогами. Осины и березы на том островке встречались реже, зато хламу – хоть отбавляй. В одном месте грибники наткнулись на

настоящую свалку – ржавые консервные банки, битые бутылки, худые ведра и кастрюли, рваная полиэтиленовая пленка. Не из города же навезли сюда отбросы? Скорее всего, сами садоводы и устроили здесь свалку: контейнера-то под мусор в саду нет.

И вдруг дед Андрей среди этого хламья увидел красноголовик с такой яркой шляпкой, что не заметить его было просто невозможно. Даже Наташа удивилась:

– Дедюш, а почему у него такая красная-красная шляпка?

– Наверно, Наташенька, он покраснел от стыда за нас, людей, загадивших лесную полянку мусором…

Возвращались они той же тропинкой. Солнце уже было высоко над головой. От жары приумолкли лесные певуньи. Внезапно Наташа свернула к осинкам, возле которых она нашла первый гриб. Пошарилась в траве и вытащила из нее оранжевую пробку.

– Возьму я ее, Дедюша, с собой. Дома в мусорку выброшу, чтобы больше никого не обманывала. И в лесу почище будет.

– Вот это ты умница!

Деду Андрею ничего не оставалось, как тоже прихватить валяющуюся неподалеку мятую «полтарашку».

«Сидеть, Жучка!»

В один из майских вечеров после работы шагал я в свой гараж. Проходя по стадиону, обратил внимание на любителей местного клуба собаководства. Они нередко проводят здесь свои занятия. Вроде бы уже пригляделось. Но большинство прохожих, как правило, замедляют шаг.

Стройные рослые овчарки, элегантные колли, задумчивые сенбернары, ухоженные эльдертерьеры... Разве пройдешь равнодушно мимо наших меньших братьев, демонстрирующих свое искусство в исполнении той или иной команды?

Вот и на этот раз я не мог не задержаться возле собаководов. Они выстроили своих питомцев в линеечку, сами отошли от них чуть в сторону. Руководитель клуба, словно генерал, принимающий парад, подавал общую команду: «Сидеть! Лежать!». Владельцы собак – кто жестом руки, кто словом – передавали команду своим любимцам. И сразу было видно, какая из собак наиболее послушна, лучше обучена дрессировке. Впрочем, и по лицу хозяев собак можно было четко определить, удачно ли выполняют команду их четвероногие друзья. Иной собаковод нет-нет да и радостно, с некоторым чувством превосходства поглядывал на своих коллег: «А мой-то каков! Ну, молодец, не подвел!». Действительно, приятно посмотреть на ученых собак. Картина впечатляющая.

Но вдруг мой взгляд привлекла девочка лет пяти. Она пришла сюда тоже с собачкой. Похоже, обыкновенная дворняжка, шустрая такая, вислоухая собачонка с загнутым кверху хвостом, черная с белой звездочкой на лбу. Словом, каких-либо признаков породистости в той собачке я не обнаружил. Расположившись метрах в тридцати от взрослых дядей, девчонка прислушивалась, приглядывалась к тому, что они делают и говорила те же команды:

– Сидеть, Жучка! Лежать!

Она повторяла те же самые жесты рукой, но Жучка почему-то особого усердия не проявляла. Она весело виляла хвостом, преданно заглядывала в глаза юной хозяйке,

пыталась ухватить ее за подол курточки и отбегала в сторону, словно призывая ее: «Давай лучше поиграем!». Девчушка ловила ее, ласково гладила и лепетала:

– Ну что тебе лень посидеть что ли? Смотри, как большие собачки делают. Ты же у меня умненькая. А, может, ты кушать хочешь?... Жучка, сидеть!

Девочка и так, и эдак уговаривала свою Жучку, умоляла ее, но у той, видно, одно на уме: ей бы только порезвиться. Какое там «Сидеть!» в ее-то годы: по своему собачьему возрасту Жучка была, пожалуй, ровесница своей маленькой хозяйке. Я перевел взгляд на сидевших в ряд породистых собак. И они, и их владельцы, похоже, тоже заметили девочку с собачкой. Взрослые поглядывали на них с улыбкой. По выражению же глаз ученых псов, со снисхождением глядевших на Жучку, можно было прочесть: «Вот уж неумеха! Не то, что мы!». Другие же овчарки, мне показалось, смотрели на дворняжку с завистью: «Ей-то что – выполнит, не выполнит команду, какой с нее спрос? Полная свобода. А нам-то надо работать на своего хозяина».

А девчонка, не обращая никакого внимания, продолжала дрессировать свою Жучку:

– Сидеть! Лежать!

Собачонка упорно не желала ей подчиняться, лишь крутилась возле нее да заливисто повизгивала. Однако, несмотря на такое неподчинение, девчушка ни разу не шлепнула Жучку ладошкой, нисколько не сердилась, а только укоризненно ей выговаривала:

– Ну, посиди ты маленько, Жучка. Не будешь слушаться, на мультик не пущу. Одна буду смотреть.

...Уходя со стадиона, я еще не раз оборачивался в их сторону. В душе моей потеплело. Ах ты, милая моя

девочка, какая ты умница! Ты не представляешь, каким светлым островком доброты явилась для меня в тот день. И тревожно мне за тебя. Подрастая, ты наверняка столкнешься в нашей жизни, такой неустойчивой и смутной, с ложью и равнодушием, хамством и несправедливостью. Сумеешь ли ты в таких условиях сохранить эти светлые чувства – доброту и доверчивость, искренность и милосердие к беззащитному? Постарайся, очень тебя прошу. Ты сохранишь, другой сохранит. И остальные, глядя на вас, станут чуточку добрее. Ведь добро никогда не исчезает бесследно.

Чапушка и Чуня

Солнце устало клонилось к горизонту. Пожалуй, и мне пора домой. Здесь, на юге, темнеет стремительно. Едва солнышко спрячется за краешек земли, не успеешь оглянуться – ночь наступила. Не то, что у нас, на Урале, где солнечные лучи из-за горизонта долго освещают небо, облака, и будто подбодряют людей: «Не кручиньтесь, земляне. Отец наш Ярило отдохнет чуток и завтра на утренней зорьке снова вернется к вам». Для наших не утомленных солнцем жителей северных широт и вечерние сумерки – благодать: можно переделать еще кучу дел.

…Я уже собрался, было, сматывать удочку, но вдруг заметил: поплавок стал медленно погружаться в воду, будто отяжелел. При рыбалке на течении в проводку так бывает при зацепе за корягу или за камень. Но я-то рыбачил на пруду в стоячей воде. И на карасиную эта поклевка не была похожа. Карась дернет раз-другой и поведет поплавок в сторону – тут и не зевай, подсекай. Кто же это

ко мне на посошок пожаловал? Дождавшись, когда поплавок совсем исчез под водой, делаю плавную подсечку. Леска натянулась, но не заходила из стороны в сторону, как при пойманной крупной рыбе: та сопротивляется и кидается то в глубину, то в бок, либо к поверхности воды, стараясь освободиться от крючка. А тут подцепилось и тащится, будто мочало какое.

Подтягиваю к берегу. Наконец из воды показалась …черепаха. Небольшая – граммов на сто пятьдесят-двести. Она неуклюже шевелила в воздухе лапками. «Хоть бы ты, голубушка, сама отцепилась, – молил я. – Если заглотила крючок, как его отцеплять? Больно же тебе будет». Черепаха словно услышала мою мольбу: метрах в двух от края воды сорвалась с крючка и плюхнулась в траву возле камышей. Упала на спину и смешно перебирает лапками, цепляясь за травинки. Ей же на ноги встать нужно: кому приятно вниз головой находиться? Царапалась, царапалась – получилось: перевернулась и не спеша поползла по траве. Я ухватил ее с боков за панцирь, хотел бросить обратно в пруд: «Ступай домой». Оказавшись в руке, черепашка мгновенно утянула голову под панцирь: испугалась.

«А, может, внукам показать? Пусть полюбуются, поиграют». Так и сделал. Садок с карасями – в рюкзак. Нарвал немного травы, положил ее в карман рюкзака, туда же и черепашку посадил, застегнул карманчик на замок-молнию, чтоб не выползла, смотал удочку, привязал ее к раме велосипеда. И вперед – до хаты. Пока два километра крутил педали, совсем стемнело. В станице зажглись огоньки. Вот и дом сына. Он зазвал меня в гости – мол, порыбачишь вволю, позагораешь. По-южному широкий двор освещала яркая накрытая сверху металлическим

абажуром лампа. И под ее светом во дворе вовсю кипела жизнь. Внучки Лена и Оля катались на подростковых велосипедах. Младший Сережа пинал мяч. Щенок Спирька крутился возле него и все пытался ухватить мяч зубами. Сережа первый и подскочил ко мне:

– Деда, много рыбы поймал?

– Всем хватит. И уху сварить, и пожарить и даже Спирьке полакомиться останется.

– Деда, а от зайчика привез что-нибудь?

– Конечно, привез. Прискакал он ко мне, что-то в рюкзак положил и говорит: «Это для Сережи, Лены и Оли подарочек. Не забудь передать».

Девчонки, услыхав свои имена, подъехали к нам:

– Деда, ты что-то про зайчика говорил…

– Да, зайчик дедушке в рюкзак подарок положил! – опередив меня, выпалил Сережа.

Я расстегнул карман рюкзака, достал черепашку, опустил на землю. Освещенная электрическим светом она не сразу высунула голову из-под панциря. Но, освоившись, огляделась и поползла по направлению к колодцу. К незнакомому существу тут же подбежал Спирька, понюхал и тронул лапой черепашку. Она молниеносно спряталась под панцирь. С минуту еще таилась в своем домике. Потом вытянула шею, покрутила головой в разные стороны и опять потопала к колодцу.

– Ой, как смешно она ползает! Переваливается, как наши утки – чап, чап! – воскликнула Оля.

– Чап-чап, говоришь? Вот давайте и назовем ее Чапушкой. Согласны? – спрашиваю внуков.

– Согласны! – захлопали в ладоши дети.

– Деда, а пускай Чапушка насовсем у нас живет, – попросила Лена. – Мы ее кормить будем.

Азметова Алина, 11 лет

С той минуты Чапушка стала любимицей в семье. Для черепашки выделили оцинкованную ванну, залили ее водой, на дно положили большой камень, чтобы Чапушка могла залезть на него, полежать, отдохнуть и, высунув из воды голову, подышать воздухом. Дети по очереди кормили черепашку рыбой. Я разрезал ее на маленькие кусочки, и внуки бросали их в ванну. Чапушка подплывала к лакомству, резко, будто выстрелив головой из-под панциря, хватала кусочек рыбы, прижимала его когтистой лапкой ко дну ванны и начинала есть. Иногда внуки доставали Чапушку из воды, и она, не спеша, вальяжно разгуливала по саду. Тут уж за ней надо было следить. Без присмотра нашу «паползу» нельзя оставлять. А то однажды выпустил ее на волю Сережа, а сам заигрался, забыл про черепашку. Вечером хватились: нет ее нигде. Метр за метром обследовали всю территорию и двора, и сада. Звали, кричали – не появляется Чапушка. Дети в слезы: куда пропала их любимица?

Потом тот же Сережа предложил:

– А что если нашему Спирьке дать понюхать что-нибудь такое, чем пахнет Чапушка? И пустить по следу. А мы за ним пойдем, как пограничники, когда шпиона ловят.

Я не очень-то верил в способности простой дворняжки, но чтобы успокоить ребятишек, решили попробовать. Дали собачке понюхать воду в Чапушкиной ванне, даже налили в чашку той водички, чтобы Спирька попил. Она лакнул раза три и завилял хвостом, словно спрашивая: «А дальше-то что?».

– Ищи! Ищи Чапушку! – подбодряли собаку дети.

И Спирька, умница, понял ведь, что от него требуется. Принюхиваясь к земле, он пошел от ванны к гаражу,

затем свернул к незапертой калитке, через которую мы ходим в огород. Далее направился к бане и возле старой перевернутой вверх дном бочки остановился. И оглядывается на нас: мол, здесь она, под бочкой. Я присмотрелся: действительно, между краем бочки и землей была щель. Может, в нее и заползла Чапушка?

Я перевернул бочку.

– Вот она! – радостно закричали дети. – Молодец, Спирька! Нашел!

Сережа взял черепашку и понес ее в ванну. Спирьке за находку дали куриные косточки. Он их тут же в один миг схрумал. А Чапушку без надзора больше не стали оставлять одну.

В предпоследний перед отъездом день я снова отправился порыбачить на прудик. Взял с пяток полукилограммовых карасей, из которых сноха Оксана испекла отменный прощальный пирог. Мелочь скормили курицам. Кстати, поймал я в тот день еще одну …черепашку. По размеру такую же, как Чапушка. И клевала также по-черепашьи: медленно утопила поплавок. Хотел отпустить до дому, то бишь, в родную водную стихию. И передумал: «В ванне-то ведь хватит места и двоим. И Чапушке не будет скучно».

Лена и Сережа, увидев нового жильца, сразу заликовали:

– Ура! Теперь у Чапушки подружка есть!

А сердобольная Оленька сначала погладила вновь пойманную черепашку, потом пошла ко мне, тронула за рукав:

– Дедушка, а что если тебе отвезти ее нашему двоюродному братику Саше? У нас уже есть Чапушка, Спирька, а у него, городского, никого…

Родители переглянулись.

– А что? – молвил мой сын. – Устами младенца глаголет истина. Только как ты ее, отец, повезешь? Ведь почти трое суток в поезде.

– Очень просто. Горлышко у пятилитровой полиэтиленовой бутыли срезаем. Наливаем немного воды – и коробушка готова. Поклажи у тебя немного: рюкзак – за спиной, в одной руке – сумка, в другой – пакет с бутылью и черепахой, – рассудила Оксана.

– У нас Чапушка. А эту черепашку как Саша будет звать?– спросил Сережа.

– Давайте назовем ее Чуней, – выпалила начитанная Лена. – В какой-то детской книжке я встречала это имя. Мне понравилось – Чуня, Чунечка.

Так и порешили. А если Саша придумает ей свое имя – это уже его дело.

…В поезде – я ехал в плацкартном вагоне – Чуня вела себя благопристойно: плавала, спала, кушала. Однажды я выпустил ее размяться. В соседнем купе до Перми ехала семейная пара с детьми-дошколятами Настей и Мишей. И они, бегая по проходу, конечно, увидели Чуню.

– Ой, какая интересная черепашка! Можно ее погладить? – дети с любопытством склонились над Чуней.

В игре с черепашкой время у них летело незаметно. Незадолго до приезда в Пермь отец Миши и Насти подсел ко мне на скамейку:

– Слушай, Васильич, продай черепашку. Сын с дочкой так к ней привязались. Продай, никаких денег не пожалею.

– Не в деньгах, Антон, дело. Я ведь для внука везу ее. Извини. Ждет он меня с подарком.

И, действительно, Сашу, когда встретился с ним,

впечатлили не столько южные фрукты и прочие сладости, как настоящая живая черепашка. Трехлетний внук вообще не отходил от Чуни. Он и спать согласился с одним условием: чтобы бутыль с черепашкой стояла возле его кроватки. Кстати, Саня охотно принял имя Чуня, не стал придумывать другое. И чаще кликал черепашку уменьшительно-ласково и протяжно: «Чу-у-нечка!». А, придя с мамой из детского садика, сразу же бежал проведать черепашку: «Чунечка! Я пришел. Как ты без меня вела себя? Кушать хочешь?». А та вытягивала из воды шею, прислушивалась и будто спрашивала: «Что ты от меня хочешь, маленький человечек?».

Однажды в воскресенье мы всей семьей собрались в сад, благо погода выдалась солнечной, теплой. Санька от нетерпения возбужденно запрыгал:

– И Чунечку возьмем с собой!

На «фазенде» я заполнил водой большой белый эмалированный таз и поместил туда Чуню. Ох, и резвилась она там! Саня не отрывал глаз от плавающей в тазу черепашки, забыл и про песочницу, что я для него обустроил.

– Деда, ты говорил, что у тебя в бочке рыбки есть. Давай их запустим к Чунечке в таз, – выступил с идеей Саня. – Посмотрим, кто быстрее плавает.

– Давай. Только надо же сначала поймать карасиков. Удочка у меня есть. Игрушечной – помнишь, папа тебе подарил? – ты умеешь ловить рыбок. А сегодня по-настоящему попробуешь рыбачить.

– Ура! – воскликнул малыш.

Мы пошли с ним к компостной яме, где откопали пару червячков. Из сеней я принес удочку, ей и ловил карасей на прудике, а потом запускал в бочку. Знал, что в ней живут два карасика и один маленький линек.

Наверняка, думаю, без меня проголодались и клюнут без промедления.

Так и вышло. Я нацепил на крючок червячка, дал внуку удочку. И Санька с табуретки (чтобы видно было) стал рыбачить в бочке. Мы же все – мама Люся, бабушка Тамара и я с зятем – столпились у бочки и наблюдали за Санькой-рыбаком. Как только поплавок скрылся под водой, кричу внуку:

– Тащи! Это карасик червячка схватил и не отпускает.

Саня дернул – и на крючке затрепыхал серебристый карасик.

– Ну, вот и первая твоя в жизни рыбка! – прокомментировал отец Алексей.

А Саня от пойманного карасика пришел в неописуемый восторг:

– Деда, мама, папа! Я сам поймал! Сам! – захлебываясь, кричал внук. – Давайте скорей карасика к Чуне в таз. Им веселей вдвоем будет!

Я отцепил карасика, передал Саше. Тот поцеловал рыбку, осторожно спрятал в ладошки. И мы все кинулись к стоящему на открытой веранде тазу. Внук отпустил улов в воду. На фоне белого дна хорошо были видны и Чуня, и карасик. Рыбешка, очутившись в новом «водоеме», тут же начала осваивать его – стремительно плавала по кругу то в одном, то в другом направлении. Черепашка сначала только вертела головой, наблюдая за карасиком. И вдруг, быстро загребая лапками-веслами, смело поплыла к рыбке. Та – от нее, черепашка – снова в погоню. Весьма забавное зрелище.

– Деда, они в догонялки играют? – спросил Саня.

– Да, внучек, в догонялки. Они же еще маленькие. А все малыши любят во что-нибудь играть.

Но тут Чуня все же изловчилась и ухватила ртом карасика за хвост. Собралась уже придавить ко дну добычу лапкой. Рыбка отчаянно задергалась. Ей удалось вырваться от хищницы. Чуня снова бросилась догонять карасика. Тут жена незаметно ткнула меня в бок. Мы отошли в сторонку.

– Убирай-ка карася в бочку. Ведь черепаха вот-вот поймает и начнет его, живого, есть на глазах у ребенка. Нельзя допускать такого живодерства. Непедагогично. Шурик чувствительный, изревется весь. Убирай, пока не поздно, – рассудила Тамара.

– Вообще-то да, – я вспомнил, как минуту назад внук целовал карасика, бережно нес его к воде. – Что делать?

В это время к нам прибежал Женька, мальчуган с соседнего участка.

– Санька! А мне папа подарил щенка. Пойдем, покажу, – с ходу выпалил Женька.

– Зато у меня Чуня есть. Смотри, – Саня потянул друга за руку к тазу.

– Здорово! Надо и Джеку показать черепашку. Пошли, принесем щенка, – Женьке не терпелось похвастаться своим четвероногим другом.

– Мама, я схожу с Женей? – отпросился Саня.

– Только недолго ходите, – разрешила мать.

Мальчишки убежали. Я, воспользовавшись моментом, руками изловил улепетывающего от Чуни карасика и пересадил его в бочку. Тут и мальчишки вернулись.

– А где карасик? – недоумевал Саня, увидев в тазу только одну Чуню.

– Тесно ему здесь. Воды маловато. Вот и запросился обратно в бочку. Там, на дне, ему со своими братиками лучше, уютнее, – объяснил я внуку переселение карасика.

Впрочем, Шурику уже было не до моих объяснений. Мальчишки с интересом смотрели, как рыжий с подпалинами на боках пушистый комочек неуклюже протопал на толстых лапах к тазу, заглянул в него. Принюхался и сунул переднюю лапу в воду. Теперь уже Чуня стала в роли убегающей. Правда, Джек и не думал за ней гнаться. Он вытащил мокрую лапу, смешно потряс ей и потюхтил к ирге, на которой сидели дрозды.

– Гав! Гав! – пробасил юный экстерьер.

Птицы улетели. Пока мальчишки под приглядом бабушки играли с щенком и черепашкой, а дочь готовила обед, мы с зятем окучили картошку.

К вечеру молодые засобирались домой. Поехала с ними и бабушка. Я остался в саду ночевать.

Спустя примерно час у меня зазвонил мобильный телефон.

– Папа, – взволнованно говорила дочь, а в трубке слышался и плач внука. – Беги скорее на прудик. Мы туда заехали искупаться. А Чуня с Шуриком – он уснул – оставались в машине. Дверца передняя была не заперта. Чуня, наверное, и выползла из машины. Приехали домой, Шурик проснулся: «Где Чуня?». Мы всю машину осмотрели. Не нашли. Шурик весь в слезах. Сходи, пожалуйста, на берег. Машина у водокачки стояла. Поищи. Может, куда недалеко уползла.

Я бросил все дела, и бегом на пруд. Обшарил на берегу у водокачки каждый кустик, каждую травиночку. И все безрезультатно. Скорее всего, Чуня до воды доползла и уплыла в родную стихию: она же водяная. На берегу у самодельной нырялки все еще крутились подростки. Я рассказал ребятам о пропаже. Они тоже подключились к поиску. Всей кампанией обошли чуть ли не весь

прудик. Пацаны и ныряли с маской, искали черепашку на дне. И тоже впустую: «Мутно на дне, ничего не видно. За день-то взбаламутили воду. Надо утром пробовать».

На другой день я продолжил поисковые работы с раннего утра. Полностью обошел весь пруд, искал с маской на дне – и у нырялки, и у водокачки, возле которой купались дочь с зятем. Бесполезно. Это все равно, что искать иголку в стогу сена. Забралась Чуня куда-нибудь под корягу – где ее увидишь? Да ее и на дне вряд ли разглядишь: что панцирь у черепашки, что ил – по цвету схожи. А если она подплыла к плотине, к сливной трубе – затянет туда, вынесет в речушку. Где искать? От сада до Большого городского пруда, куда впадает Травянка, пять километров… Что остается? Ловить черепашку на удочку? Также, как я поймал ее на юге? Но ведь это почти нулевой шанс – один из тысячи, а может, и из миллиона. Ждать, когда единственная в пруду черепаха подплывет к наживке и клюнет? И в каком месте рыбачить? Прудик в длину около ста пятидесяти метров, да в ширину метров шестьдесят. Это не из бочки ловить. Не придется ли внуку новую черепашку покупать? Да где еще их в продаже найдешь? В каком магазине? В нашем городишке точно не продают черепах. Об этом я рассуждал, шагая из сада домой. Первым делом, конечно, зашел к дочери. Саня, услышав мой голос, пулей вылетел в прихожую:

– Деда, нашел Чуню?

В его синих глазенках искрилась надежда на хорошее известие. И я без колебаний отдал бы все, чтобы порадовать внука доброй вестью. Пришлось схитрить.

– Ты знаешь, Санечка, – начал я издалека. – Чуне, наверное, понравился наш прудик. Пусть поплавает, погода теплая стоит. А завтра с утра я снова пойду искать

ее. Может, где выползет на берег подышать свежим воздухом.

– Деда, а можно я с тобой пойду искать Чуню?

– Шурик, тебе ведь завтра в садик. А в выходные мы все – папа, мама, бабушка с дедушкой и ты – уедем на дачу. И поищем черепашку. Если всем искать, быстрей найдем, – успокаивала сына мама. – А пока дедушка попробует ловить Чуню удочкой. Может, клюнет, как на пруду в Кубани, – угадала мои вчерашние рассуждения дочь.

– Ладно. Только, деда, завтра приди. Расскажешь, как ты ловил Чуню, – малыш повернулся к маме. – А скоро выходные будут?

– Через два дня, сынок. Пойдем, спать пора. Я тебе сказку расскажу, – мать взяла Шурика за руку. – Помаши дедушке.

– Деда, пока. Приходи завтра с Чуней. Пожалуйста, – внук нехотя поплелся за матерью.

На следующий день я по новой обшарил все прибрежные заросли прудика. И с маской плавал, нырял. Бесполезно. Вернулся в домик. Взял удочку. Я понимал, насколько нереальна моя затея поймать черепашку удочкой в довольно большом водоеме. А с другой стороны, вдруг да наткнется на наживку и клюнет? И внука-то до слез жалко. Он так с ней подружился. Надо использовать любой шанс, чтобы вернуть ему подружку. Я глядел на неподвижный поплавок, а в голове прокручивал самые разные способы раздобыть черепашку для внука. И ничего не мог придумать. Так с пустыми руками я и в этот вечер вернулся домой. Как и обещал, зашел к внуку.

– Деда, а где Чуня? – даже не поздоровавшись, спросил Саня, едва я вошел в прихожую.

– Все еще плавает, внучек. Но я ее обязательно поймаю.

– Ну, когда, деда, когда? – и Саня горько заплакал. – Я у-уже в г-группе всем рассказал про Чуню. Сказал, что п-принесу п-показать. А т-ты все не можешь п-поймать, – всхлипывал, заикаясь, мальчуган.

– Санечка, мы все равно что-нибудь придумаем. Будет у тебя Чунечка, будет, – обнимал я внука. У меня и у самого наворачивались на глаза слезы.

Прошла неделя, другая. Я продолжал каждый день в разных местах – и на утренней зорьке, и на закате – рыбачить, но ничего кроме мелких карасиков не попадало. А Саша за эти дни даже похудел. Он почти ничего не ел, плохо спал. Никакие игрушки не радовали его. Он только плакал, плакал… Навещать внука для меня стало сплошным мучением. Ничего так не терзало мою душу, как безутешные детские слезы. Прежде веселый и жизнерадостный, он теперь даже не подбегал ко мне с привычным вопросом: «Деда, поймал Чуню?». А увидит, что у меня ничего нет в руках, и молча обливался слезами. Это невыносимо…

Состоянием Саши всерьез озаботились и отец с матерью, и мы, старики. Родители советовались и с врачом-психологом. Доктор рекомендовал купить щенка или певчую канарейку в клетке. Чтобы как-то отвлечь ребенка от пропажи. Ничего не помогало. Саше подавай только Чуню. И именно Чуню, а не другую, похожую на нее черепашку. Я уже ругал себя за то, что привез с Кубани для внука живой подарок. И боялся заходить к внуку с пустыми руками. А мальчик на глазах угасал…

Вот и бабье лето позади. Вода в прудике похолодала. А я не переставал сидеть ежедневно на берегу с удочкой, ожидая, когда к наживке подплывет Чуня. Местные рыбаки знали о нашем горе и обещали передать черепашку,

если она клюнет на их удочки. Пробовал я с рыбаками пройти прудик с бреднем – авось, попадет, запутается в ячейках Чуня. Но только изорвали о коряжистое дно бредень. И с резиновой лодки пробовал рыбачить на середине пруда. И все впустую. Я совсем отчаялся.

Но в то утро, 29 сентября, я проснулся с каким-то приятным предчувствием: мне сегодня непременно повезет. Должна же быть в конце концов на земле справедливость. Ведь почти полтора месяца я только тем и занимаюсь, что ловлю Чуню. Так неужели все напрасно? Если Чуня в прудике, она обязательно сегодня клюнет. Тем более, завтра у внука день рождения. Три годика. И с пустыми руками я просто не имею права приходить к нему в гости. Все равно поймаю Чуню! В таком приподнятом настроении я подъезжал на велосипеде к прудику. За ночь сильно подморозило: у заберегов появился даже тонкий ледок. Так бывает на Урале с его непредсказуемым климатом. Сначала решил, как всегда, порыбачить у водокачки. В этот раз, прежде чем закинуть удочку, я мысленно произнес про себя: «Господи, благослови!». Так меня учил покойный тесть, заядлый рыбак. Это чтоб повезло с уловом. Прошло часа три. Ни поклевки. Перешел на противоположный берег. И на новом месте не клевало. На мое с утра бодрое настроение в наступление вновь пошло отчаяние. А холод и не думал отступать. Я развел костер. Вскипятил чаю со смородиновым листом. Перекусил припасенными бутербродами с колбасой и маслом. При этом не выпускал из поля зрения поплавок. А тот и не думал шевельнуться. Будто в пустой бочке рыбачил. Смеркалось. Неужели и сегодня возвращаться домой порожняком? Я готов был от бессилия взвыть волком.

«Еще пять минут сижу и сматываю удочки. Видно,

не судьба. Значит, единственный из тысячи шанс не на меня наговорен», – раздумывал я про себя. А мой внутренний голос говорил: «Ты же еще не все испробовал». «Уж не намекаешь ли ты мне на то, что я должен помолиться? – продолжил я диалог с внутренним голосом. – Так я же атеист. И в школе нам твердили, что Бога нет. Да и молитвы ни одной не знаю». «А ты попробуй своими словами поговорить с Богом. Он услышит тебя, если слова пойдут из сердца».

Я оглянулся. Вокруг никого. Я один. И тишина.

– Боженька, миленький, дорогой, помоги мне, пожалуйста, поймать черепашку Чуню, Сашину любимицу. Погибает он без нее, не ест, не пьет. Завтра у Санечки день рождения. Сделай ему, милосердный Боженька, подарок. Очень прошу тебя, Господи миленький, спаси нашего маленького Санечку, – шептал я, не отрывая взгляда от поплавка. И перекрестился, как получилось. Три раза. И произошло …чудо! Поплавок слегка шевельнулся. И стал медленно уходить под воду. Точно так же, как и при ловле Чапушки. Когда поплавок полностью скрылся под водой, я подсек. Вывожу. А в голове: «Только бы не сорвалась. Только бы леска выдержала». Это была, действительно, Чуня! В воздухе она по-смешному барабала лапками, будто помогая самой себе быстрее оказаться на берегу, подальше от холодной воды. Я еще не дотащил Чуню до берега, а в душе уже радовался: «Поймал!». Ведь знал же, что нельзя раньше времени восторгаться, делить шкуру неубитого медведя. Сорвалась-таки Чунечка, плохо, видать, на крючке засеклась. Ладно, что по инерции она летела в сторону берега и упала на ледок, который, к счастью, не проломился от ее веса. Тут уж я не растерялся: удилищем подтянул по льду Чуню к берегу и скорее – в охапку.

Тут уж я дал волю своим чувствам. Простер к небу руки, не выпуская из них Чуню, и закричал:

– Боженька, родненький, спасибо тебе, миленький!

Удочку, кажется, я даже к раме не привязал, бросил в кусты: потом найду. Чуню – в пакет, пакет – в рюкзак, рюкзак – за спину. И жму на педали. Скорее Санечку обрадовать. С какой скоростью я летел, не помню. Но все же сначала заехал к себе домой поделиться радостью с женой. Она ведь тоже сильно переживала за внука, почернела вон вся. А тут и морщинки разгладились, заулыбалась. И мы молодецким шагом направились к Санечке.

– Сашунчик, а я тебе что-то принес! – с порога протрубил я, выпуская из пакета Чуню.

Из детской комнаты выбежал Саня с игрушечной черепашкой в руках, купленной мамой неделю назад. Но, увидев на полу живую Чуню, Саня бросил игрушку на столик и склонился к своей любимице:

– Чуня, Чу-у-унечка! Нашлась! Деда, ты поймал ее? Молодец! Деда, я люблю тебя, – не выпуская из рук Чуню, Саня прижался ко мне, обнял.

Потом снова опустил Чуню на пол. Мы всей семьей окружили ее. Сначала она инстинктивно спрятала голову и лапки под панцирь. А когда повеселевший внук, склонившись к ней, опять позвал: «Чуня, Чу-у-унечка!», черепашка медленно вытянула голову из своего «домика», прислушиваясь к Саниным словам. На согнутой почти под прямым углом шее заходил кадык. Чуня безотрывно смотрела на малыша:

– Ну, здравствуй, Санечка! Я ведь тоже соскучилась по тебе. Больше не будешь плакать? – читалось в ее взгляде.

Это был самый счастливый день в Санькиной жизни. И в моей тоже.

P.S. Случайное ли совпадение или я в самом деле поймал черепашку с Божьей помощью, о том я никому не рассказал. Пусть это останется нашей с Ним тайной.

Примирение

(лесная сказка)

Это было в Лесном Урочище Таежной губернии. Заяц Чуткое Ухо возвращался к себе домой в теплую уютную норку. Ярко светила Луна. В ее сиянии дремучие мохнатые ели в снежно-пушистом убранстве казались сказочно величавыми и нисколько не страшными. Заяц был в прекрасном настроении: он хорошо провел время с ровесниками из Сухого Лога. Они кубарем катались с горки, играли в жмурки и прятки, соревновались в прыжках в длину. Кстати, в этих состязаниях Чуткое Ухо занял первое место.

…Подходя к Большой Поляне заяц своим чутким ухом уловил какое-то глухое рычание. Он обошел Поляну с подветренной стороны, спрятался за раскидистой елью и осторожно выглянул. На Большой Поляне вокруг огромного пня сидела стая волков. Заяц пересчитал – их было ровно двадцать. Это были делегаты со всей Таежной губернии, пришедшие сюда на свой тайный съезд. Взгромоздившись на пень, речь держал вожак стаи Острый Клык:

– Господа соплеменники! Мы собрались сегодня здесь, чтобы решить очень важный вопрос. От его решения зависит наше, хищников, дальнейшее существование. Нам все труднее стало добывать себе пищу. А эти зайцы, эти косые, являющиеся главным деликатесом в нашем

волчьем меню, они наоборот становятся все более увертливыми.

При этих словах заяц предельно навострил свои уши-локаторы. Он хорошо понимал волчий язык, ведь недаром учился в Лесной Академии на факультете иностранных языков.

– Кстати, – продолжал вожак хищников. – А не подслушивает ли нас кто-либо из лазутчиков? Цепкий Коготь, – обратился Острый Клык к министру внешней разведки Таежной губернии. – Ты хорошо обследовал перед началом нашего собрания ближайшие кусты? Никто в них не затаился?

– Никак нет, шеф, – рыкнул Цепкий Коготь. – Я лично полчаса назад обошел всю Поляну в радиусе двухсот метров. Никого не обнаружил. Но для подстраховки сейчас проверю и с помощью техники.

Цепкий Коготь подошел к удлинителю, подсоединенному к лунной батарее, и подключил к розетке карманный теленавигатор. На мониторе высветилась территория вокруг Большой Поляны. Цепкий Коготь внимательнейшим образом осмотрел на экране каждый лесной закуток:

– Всё чисто, шеф. Можно продолжать.

Действительно, на экране кроме высоких елей и закуржавевших от инея березок, не высветилась ни одна зверюшка. Да и не могла. Заяц-то наш тоже был не лыком шит. Услыхав о том, что Цепкий Коготь собирается проверить прилегающую к Большой Поляне окрестность «с помощью техники», Чуткое Ухо опередил министра внешней разведки: нажал на своем многофункциональном мобильном телефоне красную кнопку безопасности и превратился в …невидимку.

А вожак стаи Острый Клык тем временем продолжал:

– Так вот, господа хищники. Особенно тяжело приходится нашим стареньким волкам. В силу своего преклонного возраста они уже не в состоянии догнать зайца: здоровье не то. И мы, их потомки, не допустим, чтобы они умирали от голода. Надо изобрести или добыть такое средство – препарат либо снадобье, приняв которое заяц лишался бы чувства самозащиты, становился покорным, безвольным. И как загипнотизированный кролик идет в пасть удаву, так чтобы и заяц сам подходил к волку – дескать, вот и я, кушайте меня на здоровье. Кто-нибудь разнюхал насчет такого снадобья? Я вам давал такое задание.

Первым поднял лапу министр по связям с общественностью Таежной губернии Бойкий Язык:

– Был я намедни у Бабы-Яги. Угостил рябиновым соком. Разговорились. Короче, согласна нам помочь старушенция. Есть у нее в заначке дурман-трава, из которой она приготовит настойку. На хищников она не действует. А травоядные, угостившись ею, становятся послушными рабами. Что нам и надо.

– Добро! – пророкотал Острый Клык. – А как длинноухих напоить той настойкой?

– Баба-Яга предложила такой вариант. Через полторы недели, как раз в Масленницу, ей исполняется 175 лет. На свой юбилей она собирается пригласить всех обитателей Лесного Урочища. Вот там косые и отведают ее настойки и так окосеют, что их тут же бери «тепленькими», готовыми к употреблению. Причем, настойка действует не одноразово: приняв её, зайцы до конца своих дней остаются в подчинении хищников – ласковыми и исполнительными.

– Ай да Бойкий Язык! Славно придумано. Но как сделать так, чтобы все зайцы явились на юбилей Бабы-Яги?

– Шеф, нет проблем. В газете «Таежные вести» публикуем объявление примерно такого содержания: «На Большой Поляне, в воскресенье, 1 марта, в полдень, Баба-Яга отмечает свое 175-летие и приглашает на торжество всех обитателей Лесного Урочища. Вход свободный». На дармовщинку придут, как миленькие.

– И то верно, – поддержал Острый Клык. – Придут, да еще и со своими выводками. У кого есть другие соображения по усмирению зайцев? Нет. Тогда кто за предложение Бойкого Языка?

Серые хищники, одобрительно зарычав, подняли лапы. Единогласно.

Заяц Чуткое Ухо не стал дожидаться окончания тайного съезда волков.

Он, стремглав, кинулся до сородичей. Об увиденном и услышанном на Большой Поляне он в первую очередь рассказал, конечно, отцу с матерью.

– Надо срочно сообщить всем нашим, – решили родители.

Чуткое Ухо послал эсэмэски своим собратьям с просьбой, соблюдая все меры предосторожности, собраться завтра на рассвете в Осиновой Роще.

С тревогой в сердце подходили к назначенному месту зайцы. Поначалу не обошлось без паники.

– Ой, что же с нами будет? Съедят нас коварные волки… Мы уж ладно, хоть сколько-то пожили на свете, порадовались ясному солнышку, травке зеленой. А наши зайчишки, малые детишки, еще и не распознали толком всю прелесть жизни на земле…, – обливались горючими

слезами мамаши-зайчихи.

– А, может, обратиться за помощью к нашему Хозяину Тайги, Бурому Медведю? – предложил кто-то из зайцев.

– Да где же его сейчас добудишься? – возразила старая мудрая зайчиха Белая Шубка. – Спит он в своей евроберлоге да лапу посасывает. А разбудишь раньше времени – хлопот не оберешься. Не выспавшийся Шатун – злой, начнет громить всё, что под горячую лапу попадет. Мало никому не покажется. – Белая Шубка перевела дыхание. – Я вот что предлагаю. Надо сходить до Снегурочки. Сердце у нее доброе, отзывчивое. Она хоть и молодая, а в травах, настоях и вообще в медицине разбирается. В прошлом году меня радикулит одолел – ни встать, ни сесть. Так она меня за пару дней на лапки поставила. Может, у нее есть какое-то противоядие против дурман-травы, которой нас Баба-Яга собирается отравить?

– Верно молвит Белая Шубка! – обрадовались зайцы.

Чуткое Ухо тут же по скайпу связался со Снегурочкой, коротко изложил ей суть дела, и та ответила:

– Милые мои Пушистики! Конечно, я вам помогу. Ждите меня, не расходитесь. На месте всё и обговорим.

Через пять минут Снегурочка, вплотную окруженная зверюшками, поведала свой план спасения заячьего племени:

– Я приготовлю для вас напиток, настоянный на травах из мяты, корвалола и полевой ромашки. Выдержанный в нужных пропорциях этот напиток Добролин – так по-научному его называют – обладает двумя функциями. Если выпить за час до приема пищи всего лишь один глоток Добролина, он нейтрализует действие дурман-травы и любой другой отравы. А если Добролин выпьет

хищник, он становится добрее, милосерднее к своим братьям меньшим. Всё поняли? Значит, перед тем, как идти на юбилей к Бабе-Яге, примите по глотку Добролина.

…Всё вышло так, как задумала Снегурочка. Поздравив Бабу-Ягу с днем рождения и подарив ей новую с мощным пропеллером и современным навигатором метлу, все гости уселись за накрытые виновницей торжества деревянные столы. Кстати, юбилярша не поскупилась на угощения. Правда, в этот ей помогал и Кощей Бессмертный, главный её спонсор.

Отведав чудодейственного, приготовленного Снегурочкой напитка, и глядя увлажнившимися глазами на своих малышей, волчат и зайчат, мирно резвящихся на белоснежной поляне, их родители – волки и зайцы – рассуждали меж собой:

– Смотри-ка, оказывается, и травоядные, и хищники могут жить дружно и весело. Что же это мы тогда веками грыземся друг с другом?

Подобревшие душой волки (подействовал Добролин!), провожая домой зайцев, приглашали:

– Приходите к нам на Поляну в следующий выходной. И, само собой, с детишками: вон как им понравилось играть с нашими волчатами.

– И мы будем рады встретить вас у нас в Осиновой Роще. Милости просим! Давайте дружить семьями, – любезностью на любезность отвечали зайцы.

P.S. …Через три года те самые волчата и зайчата, подружившиеся в Масленницу на юбилее Бабы-Яги, повзрослев, создали парламентскую Таежную Республику. Первым ее президентом стал Зоркий Глаз, младший сын Острого Клыка. А премьер-министром – заяц Чуткое Ухо. Вместе с депутатами Лесной Думы они разработали

программу мирного сосуществования травоядных и хищников. Программу на референдуме одобрили все четвероногие. В соответствии с той программой и во избежание внутренних конфликтов в Таежной Республике открыли общественные столовые, где питались и травоядные, и хищники. Продукты для тех и других поставляли фермерские хозяйства ближайших сел и деревень. А за это, по двухстороннему договору, волки и зайцы, медведи и лоси, кабаны и рыси – все лесные обитатели Таежной Республики следили за порядком в лесу, оберегали его от браконьеров и пожаров. Появились в Таежной Республике и пансионаты для престарелых лесных животных.

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ СКАЗЫ

Рождественская неделя у многих ассоциируется со святочными гаданиями, различными чудесами. Воспитанный в духе марксизма-ленинизма, я, убежденный атеист, раньше все религиозные праздники, рассказы о домовых и леших не воспринимал всерьез. Все эти сказания, легенды являются плодом воображения рассказчиков, а проще говоря – выдумкой. Так я считал.

Но сейчас много пишется о Высшем разуме, об астрологии. И загадочные рассказы, услышанные в детстве от матери, дедушки и бабушки, я теперь воспринимаю несколько по-иному. По крайней мере, пытаюсь найти им какое-то объяснение. Однажды прочитал в «Аргументах и фактах» статью об окаменевшей Зое, которая простояла с иконой Николая-Чудотворца в руках без пищи более 100 дней якобы в наказание за совершенный грех (танцевала на вечеринке с иконой). Это было в 1956 году в Самаре.

В статье приводятся показания свидетелей, выдержки из партийных документов об этом редчайшем явлении. Написано весьма убедительно, с подтверждением фактов. Вот я и задумываюсь: а не была ли в рассказах матери и деда некая доля правды? Кстати, в долгие зимние вечера, на полатях, слушали их мы, ребятня, с большим интересом, затаив дыхание и тесно прижавшись друг к другу.

На кладбище

Это было на родине Андрея Ивановича Лещева – в деревне Фоминск Очерского района. Дед возвращался домой на лошади из соседней деревни, ездил на мельницу молоть зерно. Засветло не успел оборотиться: дело было к зиме, дни короткие. Управился только к полуночи. Дорога в Фоминск проходила возле самого кладбища. И вот, когда телега вплотную приблизилась к могилам, лошадь внезапно остановилась, как вкопанная. Дед понужнул ее вожжами. Та сделала попытку тронуться с места, но ничего не вышло. Дед слез с телеги, взял лошадь под уздцы, потянул – ни в какую. Хотя лошадь скребет копытами по земле, пытается идти вперед. Вся взмокла, а воз ни с места, словно на телеге десятки тонн груза. И все это посреди кладбища, в глухую темень. Дед мой был не из робкого десятка, но, согласитесь, ситуация жутковатая. Дед пробовал толкать телегу сзади, помогая лошади, наполовину разгрузил воз, сбросив мешков пять с мукой – ничего не получалось. Лошадь будто приросла к земле.

И тогда дед – а он был глубоко верующий, старовер – трижды обошел вокруг лошади с телегой, при этом читая молитву. Только после этого повозка покатила

по дороге. А когда немного отъехали от кладбища, дед услышал позади дикий, лешачий хохот. И голос: «А-а! Догадался».

В бане

А это было на хуторе Кухтанка, до войны. Однажды моя мать с сестрой Таисьей и братом Игнатом возвращались из школы домой. Они уже огородом поднимались к дому и вдруг, проходя мимо бани, услышали, как из нее раздаются бряцанье тазов, шлепанье веников. Шустрый Игнат кинулся к предбаннику:

– Это тетя с дядей парятся. Сейчас я их напугаю!

Мама – она была старшей среди них – остановила брата:

– Не надо. Они не любят такие шутки.

Игнат послушался. Но когда все трое зашли в избу и увидели сидящих за столом и своих родителей, и тетю с дядей, страшно удивились:

– А кто в бане моется?

После того, как бабушка сказала, что баню даже не топили, дети заревели в голос – до того им сделалось жутко. Наутро бабушка сходила в баню: и тазы, и веники лежали на своих местах.

Заколдованная свадьба

Как-то глубокой осенью дед, проезжая по скошенному лугу, услышал плач младенца. Натянул вожжи, слез с телеги и подошел к ближайшему зароду сена. Под ним

лежала …волчица, а рядом с ней – голенький, новорожденный малыш, дите человеческое. Глаза волчицы были полны слез. Она как-то умоляюще смотрела на деда, не выказывая никаких намерений наброситься на него. И почему-то лошадь – а они обычно боятся волков – вела себя очень спокойно. Дед – вот смельчак! – взял мальчонку, укрыл его полой телогрейки и поехал с ним до деревни. Волчица, жалобно поскуливая, поплелась следом. И лишь дома от селян дед узнал суть дела. Оказывается, в соседней деревне играли свадьбу, на которую единственного не пригласили старого колдуна Евсея. За это и оборотил он всех, кто гулял на свадьбе, в волков. А на той свадьбе была и молодая женщина на сносях. Она, уже в волчьем обличье, и родила сына. Чтобы расколдовать волков, надо было сначала всю стаю собрать в одно место. Только после этого старый Евсей мог вернуть заколдованным прежний человеческий облик. Он это сделал, но почти все деревенские после снятия чар появились в одежде, изопревшей под волчьей шкурой.

…Мальцами мы, раскрыв рот, слушали эти жуткие истории. И не сомневались в их неправдоподобности, поскольку и маме, и дедушке верили безоглядно. Спрашивал я деда, почему с нами-то, в наше время не происходит подобного. «Потому что в Бога мало кто верит. Столько нехристей заполонило свет божий!», – поглаживая бороду, отвечал дедушка.

А может, мои предки специально рассказывали нам эти удивительные истории с долей вымысла, чтобы пробудить в нас интерес к разгадке таинственных явлений в природе?

«Я ИЗ ДЕТСТВА СТРАНЫ»

Загадки

Он зимой лежит в берлоге.
Не буди его. Не сметь!
Пусть поспит еще немного.
Как зовут его? …Медведь!

***

Голосист, имеет шпоры,
У засонь проверит слух.
Угадаете вы скоро –
Утром будит нас …петух!

***

Встреча с ним в лесу опасна:
Пасть откроет, зубы – щелк!
Он лишь в мультике не страшен
Этот самый серый …волк.

***

До чего хитра – от носа
До пушистого хвоста.
Ах, лесная ты плутовка,
Ах, ты рыжая …лиса!

***

На деревья лазит цепко,
И мурлычет, и поет,
Ловит он мышей успешно.
Ну, конечно, это …кот!

***

На ней пахали, сеяли, возили,
Потом ее на трактор заменили.
Теперь она на цирковых площадках.
Так как же звать ее? Лошадка!

***

Летит, жужжит над самым ухом
Надоедливая …муха!

***

Чтобы сильным быть, здоровым,
Пейте молоко …коровье!

***

Растет она в саду на грядке,
Всем полезная, ребятки.
Зубы крепкие у Вовки,
Потому что ест …морковку!

***

Едва наступит только осень,
Он на спине грибочки носит.
Иголки острые, как ножик.
Так кто же это, дети? …Ёжик!

***

Хоть куда она идет,
Домик свой с собой несет.
Ходит медленней, чем птаха.
Кто же это? …Черепаха!

***

Она маленькая слишком,
Потому кота боится …мышка!

***

Им можно гвоздь забить, ребята,
И в доску, в стену, в потолок.
Умеет им работать папа.
Так что же это? …Молоток!

***

В небе радуга сияет,
Юля весело шагает.
На ногах – сапожки,
А в ушах – …сережки!

***

Я вчера, как мама Надя,
Губы красила …помадой!

***

Кто сидит на ветке клена,
Громко каркая? …Ворона!

***

Любит Коля, любит Света
Шоколадные …конфеты.

***

С нами он зимой и летом,
Просит крошки у людей
И чирикает при этом.
Кто же это? …Воробей!

***

У него есть бивни, хобот.
А какой огромный он,
И из Африки он родом.
Кто же это, дети? …Слон!

***

По деревьям лазит ловко,
Корчит рожицы плутовка.
Очень любит есть бананы.
Кто же это? …Обезьяна!

***

У медведей медвежата.
А у кошек кто? …Котята!

***

Строит нам дома строитель,
В школе учит нас …учитель.

***

Тачает сапоги сапожник,
Картины пишет нам …художник.

***

От недугов лечит лекарь,
А вот хлеб печет нам …пекарь.

***

По лесу катится без рук, без ног
Румяный, круглый …колобок!

***

Щедра цветочками земля –
С них собирает мед …пчела.

***

И гром и молния. Пришла гроза.
От страха закрываются …глаза.

***

У слонихи сын слоненок,
У лошадки – …жеребенок!

***

Ночью всюду тишина.
С неба светит нам …луна!

***

Оля куколку Наташу
Накормила манной …кашей!

***

Глеб Наташке-первоклашке
Подарил цветок …ромашку!

***

Играют мальчики в футбол.
Сережа забивает …гол!

***

По шайбе клюшкой бей сильней.
Игра азартная …хоккей!

***

У неё зеленые иголки.
Наряжают дети …ёлку!

***

Пусть в ваши светлые оконца
Всегда сияет ярко …солнце!

***

Будьте дружными, ребята.
Помогайте маме, папе.
Чтобы их не огорчать,
Получайте только …пять!

Зайки-попрыгайки

По траве бежал зайчишка
И нашел скакалку в ней.
Подарил своим детишкам,
Жить им стало веселей.

Зайки прыгали, скакали –
И вперед, назад, «крестом».
И домишко их, казалось,
Будто ходит ходуном.

Ну-ка, дети, угадайте,
Как зайчишек этих звать?
Это зайки-попрыгайки!
Очень трудно их поймать.

***

Шумит листва зеленым кленом,
Плывут по речке облака.
На них сидит поэт влюбленный,
Подставив солнышку бока.

Вчера пойдет он на охоту,
А завтра рыбы наловил.
Медведь потребовал отчета,
А он ему …стихи сложил.

Тот в типографии-берлоге
Из них книженцию издал,
Своим друзьям четвероногим
По вечерам ее читал.

Особо медвежонку Грише –
В кого родился он такой? –
Понравилась поэта книжка:
Взахлеб ее читал порой.

Подрос и стал он самым умным,
Советоваться шли к нему
И выбрали в Лесную Думу.
Теперь ответьте – почему?

Найдите также смысловые
Неточности в стихе моем.
Успехов, дети дорогие,
И счастья вам в краю родном!

Андрейка

Топал ножками Андрейка,
Мир огромный открывал.
Вдруг увидел: на скамейке
Сизый голубь ворковал.

Подошел Андрей поближе,
Голубь крыльями взмахнул,
Полетел и сел на крыше,
И мальчишке подмигнул:

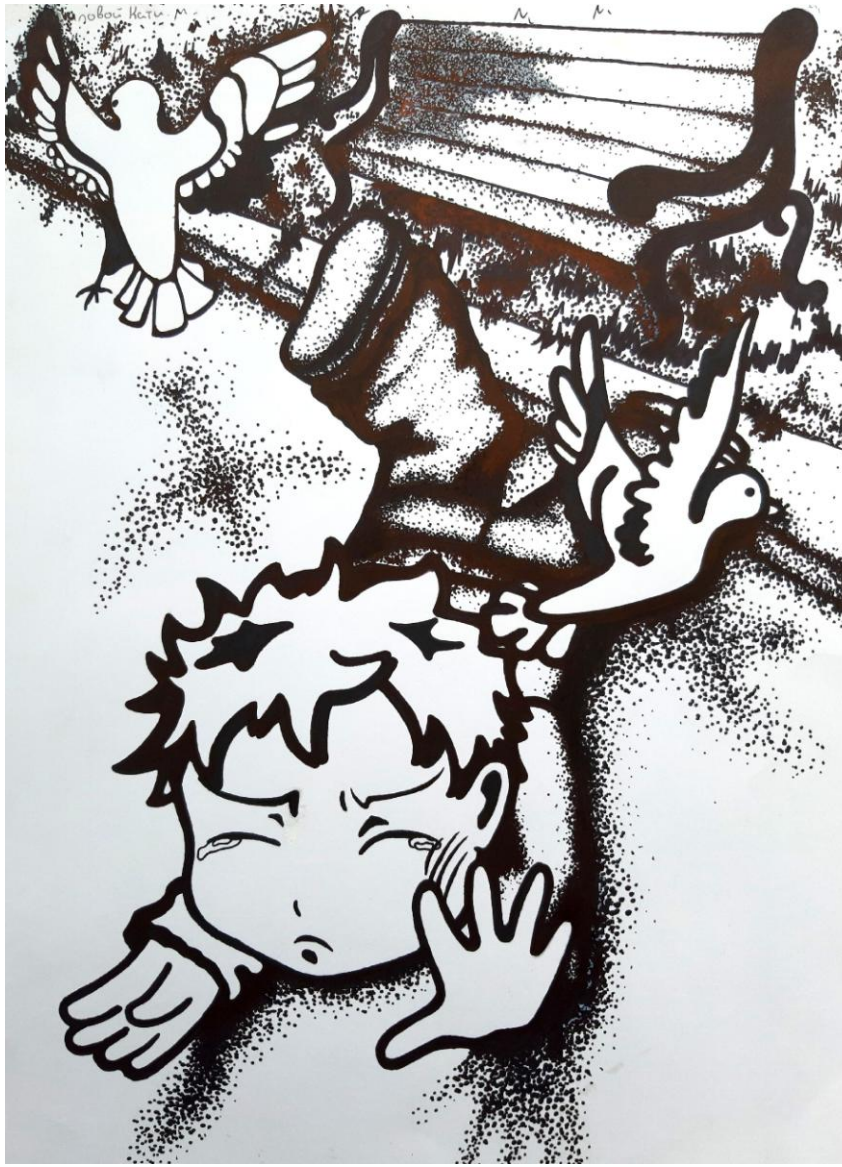
«Не учила что ли мама?
Ну, лети ко мне, дружок».
Замахал малыш руками,
Но взлететь никак не мог.

«Может, также – со скамейки?
Оттолкнуться – и в полет!».
На нее залез Андрейка,
Встал на краешек. Вперед!

Завершился взлет паденьем,
Горько мальчик зарыдал.
…Про земное притяженье
Карапуз еще не знал.

***

Пусть Новый Год добрее будет.
Удачи, радости, тепла!
Живите мирно, братья-люди,
У нас на всех одна земля.

Антипова Екатерина, 13 лет

***

– Как получаются снежинки? –
Спросил малыш. А что отец?
– В них превращаются дождинки,
Что падают зимой с небес.

…Однажды сына на балконе
В пальто и шапке он застал:
Его родной сыночек Коля
Из детской лейки поливал.

На землю мелкий дождик капал.
Снежинки? Нету, ни одной.
И мальчик горестно заплакал:
Ведь Новый Год он ждал, давно.

Лузянина Маргарита, 14 лет

– Сынок, морозу маловато,
И надо с высоты большой.
Сын вытер слезы: – Можно, папа,
Я с крыши буду лить водой?

***

Мягкой белою перинкой
Землю первый снег укрыл.
И спешит к Илье Маринка:
Он Снегурочку лепил.

А наутро снег растаял,
Плачет девочка навзрыд:
Где Снегурочка стояла –
Там лишь лужица воды…

Новый Год

Среди заснеженного царства
Высоких елей и берез
Лесной тропинкой пробирался
Румяный Дедушка Мороз.

В мешке он нес подарки детям.
Мешок тяжелый, Дед устал.
А тут пурга да с сильным ветром,
И наш дедуля заплутал.

Загоревал: «А мне ж на елку,
Где дети маленькие ждут».
Вдруг серого увидел волка.
– Как, Дед, ты оказался тут?

– Я к малышам спешу на праздник
И заблудился вот в лесу.
– Не так уж это очень страшно.
Садись. Моментом подвезу.

Когда доехали до места,
«Таксист» спросил вдруг седока:
– А можно я с тобою вместе?
Мне так наскучила тайга…

– Пойдем. А наши ребятишки
Не испугаются тебя?
– А ты скажи, что я из книжки.
Я буду добр, как никогда.

Как веселились все на елке!
Стихи, загадки, хоровод,
Катались мальчики на волке.
Пришел к ребятам Новый Год!

***

На зеленой на лужайке –
Прыг да скок! – резвился зайка.
Вдруг упал в большую яму,
Закричал от страха: «Мама!».
Мать-зайчиха прибежала,
Увидав, запричитала:
– Как сюда ты угодил?
У меня не хватит сил –
Из такой огромной ямы

Как же я тебя достану?
Вдруг у ямы появился
Тот, который самый сильный:
– Кто тут плачет? Ну-ка, тихо, –
Говорит медведь зайчихе.
– Мой …сыночек в эт-той яме…
– Не реви. Сейчас достанем.
В яму спрыгнул бурый Мишка
И подбросил вверх зайчишку.
Подхватила мать сынишку:
– Ой, спасибо, добрый Мишка!
За такую за подмогу
Угощу тебя я мёдом.

***

Потерял кузнечик скрипку,
Очень опечалился.
Спеть хотел он про улыбку,
И не получается.

А цветочек колокольчик:
– Что ты плачешь, дорогой?
Зазвоню сейчас я звонко –
И вдвоем споём с тобой.

– Динь-динь-динь! Лесная песня
Зазвенела на лугу.
И все звери пели вместе
У реки на берегу.

Пушистик

Купила машину мне мама,
Вожу я песочек на ней
И им засыпаю все ямы,
Чтоб были дороги ровней.

Однажды я ехал груженый,
Смотрю – во дворе под кустом
Мяукает белый котенок
Пушистый и с …черным хвостом.

Подъехал. Котишка заплакал:
«Я дальше идти не могу:
Заноза попала мне в лапу».
– Сейчас я тебе помогу.

Песок разгрузил я сначала
И в кузов кота посадил.
Машину «завел» и, сигналя,
В больницу кота покатил.

Врачом там работает мама,
Занозу достала иглой.
Сказала: «Ты умница, Саня.
Котенок – твой братик меньшóй».

…Пушистик теперь в нашем доме
Живет и играет со мной.
Пока что не кот он ученый,
Но, верю, что станет такой!

Распономарева Варвара, 14 лет

Капризка на елке

Новый Год идет по селам,
По бульварам городским.
Это кто там не веселый?
Подходи, развеселим.
Елка светится огнями,
В хороводе Дед Мороз.
Добрый дедушка, он с нами,
И подарки всем принес.
Вове – мячик, Оле – куклу,
А Наташе шоколад.
Николаю дал конструктор,
Алексею – самокат.
Только шустрому Капризке
Строго дедушка сказал:
– Уходи обратно в книжку!
Как на елку ты попал?
Тот с печальными глазами
Деда за руку берет:
– Можно, я побуду с вами?
Ну, возьмите в хоровод.
Понял все. Я виноватый.
Стыдно мне уже так жить.
Обещаю всем ребятам
Быть хорошим, не шалить.
Дед Мороз присел устало:
– Как с тобой, друзья, нам быть?
Что с Капризкой делать станем?
Может, нам его простить?
И тогда сказал Дениска:
– Я за то, чтобы простить.

Подбежал к нему Капризка:
– Молодец, давай дружить!
Тут и Света, и Марина,
Лена, Дима и Андрей,
Чебурашка, Буратино
Говорят ему: «Скорей
С нами в круг вставай, Капризка!
В день такой нельзя грустить.
Будем петь и веселиться,
И смеяться, и шутить.
Только если ты, Капризка,
Будешь снова нам мешать,
Мы тебя прогоним в книжку
К Ничевокам. Будешь знать».
Новый Год идет по селам,
По квартирам городским.
Это кто там не веселый?
Подходи, развеселим!

***

Зайчонок Миня в шубке белой
По снегу белому бежал.
Навстречу волк по кличке Серый,
Увидев зайца, зарычал:

– Вот ты-то мне, Косой, и нужен.
Глянь на меня, как отощал.
Иди сюда, Пушистый ужин.
Давно тебя я поджидал.

– Ты выслушай сначала, Серый.
От Дед Мороза я иду.
Велел сказать: всем птицам, зверям
Собраться завтра на Лугу.

Все вместе Новый Год встречаем.
Подарки Дедушка раздаст.
– Меня он тоже приглашает?
– Да. Всех. И приводи волчат.

…Вокруг большой красивой ёлки
Водили звери хоровод.
Стихи читали зайцы, волки.
Пришел к зверятам Новый Год!

***

Первый день зимы – снега с гулькин нос.
Где застрял в пути Дедушка Мороз?
Маша в лес пошла Дедушку искать:
Без него-то как Новый Год встречать?
Вот идет она, а навстречу ей
Зайчик серенький: – Выручай скорей!
В яму Дед упал, плачет: «Ой-ё-ёй».
Как достать его?" – весь в слезах Косой.
– Ну, давай бегом к яме той веди.
Надо срочно нам Дедушку спасти.
И бегут они из последних сил.
Встретил их Медведь: – Вы куда? – спросил.
А узнал беду и за ними вслед.
Увидал друзей и кричит им Дед:
– Вы березоньку, что над ямою,
Наклоните мне. Как достану я,
За нее схвачусь – отпустите враз.
Как распрямится – буду я у вас.
Так и сделали. Вылез Дедушка:
– Вот спасибо вам, милы детушки.
Ну, пойдем же все Новый Год встречать.
Я подарочки буду вам вручать!

Василек и Ромашка

Василек Ромашке шепчет:
– От тебя я без ума.
Ты прекрасней всех на свете!
Выйдешь замуж за меня?

– Как же выйти? Держат корни.
Мне и шага не шагнуть,
А не то бы я проворно
Собралась с тобою в путь.

Ты мне тоже очень любый,
Синеглазенький ты мой.
Помогите же нам, люди,
Стать единою семьей!

Разговор их слышал Коля,
Он ботаником мечтал
Стать, когда закончит школу.
Как помочь? Лопатку взял

И поближе он друг к другу
Два цветка пересадил,
За водой сходил до пруда
И заботливо полил.

…У Ромашки с Василечком
Лепестки переплелись,
К солнцу тянутся листочки.
Двум влюбленным улыбнись!

***

На высоких каблуках
Даша в туфлях алых
У трюмо стояла: «Ах,
Как красиво, мама!».

Каблучками – топ, топ, топ.
Даша побежала.
За ковер запнулась – хлоп!
Кубарем упала.

Но не плачет, поднялась,
Весело шагает:
«Я ведь в маминых туфлях,
И уже большая!».

Туфли мамины носил
Кто из вас, девчонки?
В сапогах отца ходил
Кто из вас, мальчонки?

***

На опушке как-то летом,
Только схлынула жара,
Собиралась – разодета! –
Вся лесная детвора.

У зайчонка рубашонка
Цвета утренней росы.
В синих шортах медвежонок.
У лисички – две косы.

Ждахина Елена, 15 лет

Все нарядны и умыты,
Ведь на бал пришли они.
Взял кузнечик свою скрипку:
Расступитесь, ну-ка, пни!

В вальсе зайчик с белочкой,
А барсук – с лисичкою:
Покорила кавалера та
Рыжими косичками.

Вдруг из лесу вышел Леший:
– Это что за шум да гам?
Позвоню сейчас Кощею –
Он устроит «праздник» вам.

– Отчего такой сердитый?
Разболелась голова?
К нам скорее в круг иди ты.
Танцевать научим вальс.

– Я уж старенький, зверята.
Вдруг запнусь да упаду? –
Самому же так приятно
Потоптаться в их кругу.

Даже Солнышко скатилось
На поляночку к зверькам,
Вместе с ними закружилось.
Было весело друзьям!

***

Сбежал медведь из зоопарка:
«Ну, здравствуй, родина-тайга!».
Живут здесь где-то мама с папой.
До них бы как-то дошагать».

Идет по лесу Косолапый,
Устал и пусто в животе.
«А в это время тетя Капа
Меня кормила бы уже…».

Навстречу рыжая лисица
Ему попалась. «Стой, кума!
Куда мои могли-то скрыться?
Ты их не видела?». – «Зима,

Однако скоро, Миша, грянет.
Берлогу делают они.
Вон там – в чащобе, за поляной.
Ты старикам-то помоги».

Нашел родителей Мишаня,
От счастья плакали втроем.
Попотчевала сына мама
Овсом и свеженьким медком.

В лесной квартире им сын старший
Настроил быстро Интернет,
Мобильный телефон оставил
И подарил еще планшет:

«Что ж, мне пора до зоопарка,
Чтобы детишкам не скучать.
Ну, до свиданья! Не хворайте.
А я вас буду навещать».

Вождь племени

Мать с работы возвратилась:
Бабка спит, а внук её,
С кем в тот день она водилась,
На полу – возле нее.

Листья фикуса воткнуты
В кудри детской головы.
– Что с тобой, сынок Мишутка?
– Я вождь племени. А вы

С кем до Африки добрались?
Сколько привели слонов?
Мать «вождя» не растерялась:
– С Айболитом. Мы давно

Ожидали встречи с вами.
И взгляните: под окном
Ждут слоны, и все – с дарами.
Их уже несут в наш дом.

…Мать от черной краски сына
Отмывала целый день:
– Поплывешь когда на льдине,
Папин спрятать мне ремень?

***

Робот Дима шел по полю,
У моста через реку
Видит – плачет робот Коля:
– Встать никак я не могу.

Ильичёва Анастасия, 13 лет

Я купался, разрядились
Батарейки от воды.
– Это, – молвит робот Дима.
– Не беда, а полбеды.

У меня есть запасные.
Вставил, щелкнул. И пошли,
Как братишечки родные.
Вдруг увидели – вдали

На опушке, возле ели
Робот Дик и робот Джон
Так дрались – от них летели
Искры с четырех сторон.

Робот Дима, робот Коля,
Увидав их, говорят:
– Как не стыдно! Что такое?
Для ребят и для зверят

Подаете нехороший,
Отрицательный пример.
– Что тогда нам делать? Что же?
Всё идет от батарей.

Такова у них зарядка –
В них программа вредных дел.
Мы дружить со всеми рады,
А выходит беспредел –

Драки, ссоры да скандалы.
Батарейки бы сменить,
Чтоб энергии хватало
Добрые дела вершить.

– Батарейки есть такие, –
Дима наш повеселел.
– Их от солнца зарядил я,
А оно добрее всех.

Солнечные батареи
Джону с Диком Дима дал –
И они душой добрее
Сразу стали навсегда.

И пошли четыре друга,
Помогая, кто в беде.
Их любили все в округе.
Вы встречали их? А где?

Песня робота

Девочки, мальчики, здравствуйте.
Сколько явилось друзей!
Будьте как дома, пожалуйста.
Ну, проходите скорей.
Что ж, разрешите представиться:
Робот по имени ТИМ.
Сделан из лысьвенской стали я,
Болтиков, гаек, пружин.
Нашим рабочим, конструкторам
Жизнью обязан сполна.
Если б не ловкие руки их,
Не было б вовсе меня.
Сколько труда, вдохновения
Люди вложили в металл,
Чтобы однажды с волнением

К вам я, друзья, зашагал.
Да, это верно, железный я.
Мускулы? Ну-ка, нажми!
И никакие болезни мне,
Право, совсем не страшны.
Но, мои милые школьники,
Как я завидую вам!
Я ж не видал еще солнышка,
Красками не рисовал.
И после теплого дождика
Я не бежал босиком,
И по маршруту таежному
Я не ходил с рюкзаком.
Не побоюсь ни морозов я,
Мне нипочем и жара,
Лишь бы хоть разик на озере
С вами побыть у костра.
Честное слово, друзья мои,
Буду послушен и тих.
Только возьмите, пожалуйста,
В край тех озер голубых…

P.S. *В 80-х годах в кабинете профориентации ЛМЗ, действительно, был робот ТИМ (**Т**ехнический **И**нформатор **М**олодежи), сконструированный умельцами Лысьвенского металлургического завода. Робот выходил из «закутка», подняв руку, приветствовал детей, рассказывал о заводских профессиях, славных трудовых традициях металлургов и даже пел эту песню. Школьникам очень нравился ТИМ. Увы, с началом перестройки профориентационная работа на ЛМЗ заглохла…*

Малыш и капуста

– Скажи, откуда, мам, я взялся? –
Четырехлетний сын спросил.
– Нашли тебя в капусте, Вася.
Каким малюсеньким ты был!
Мы отрывали по листочку,
И первым папа углядел:
Внутри вилка сидит сыночек –
И сразу стал ты всех родней!
…Однажды мама с папой Васю
В конце июля жарким днем
К бабуле отвезли на дачу,
И было всё бы тут ладом,
Но раз застала бабка внука
В саду на грядке – весь в слезах.
Повсюду листья от капусты.
Запричитала бабка: «Ах,
Ты что же, Васенька, наделал?
Ведь всю капусту искромсал»
– Мне очень б-братика хотелось,
Его в капусте я искал…

Летающий слон

Очень слон хотел летать
И спросил синичку:
– Где мне крылышки достать,
Чтоб порхать, как птичка?

Хоть бы разик посмотреть
С высоты на землю…
Если сверху поглядеть,
Красота, наверно?

– Ну, конечно, красота –
Говорит синичка.
– Как же выручить тебя?
Ты тяжелый слишком.

Где такие крылья взять,
Чтобы в небо взвиться?
Ладно, будешь ты летать, –
Молвила синица.

Асанова Екатерина, 16 лет

– На крутую гору лезь,
А с нее – на облачко.
И на нем хоть до небес
Улететь сподобишься.

Слон совету птички внял –
Получилось классно!
Он всю землю увидал –
Как она прекрасна!

Вы заметили слона?
По небу летает.
Вам привет он свысока,
Дети, посылает.

Помните, друзья, мечтать
Никогда не поздно.
Вы научитесь летать
К самым дальним звездам!

***

В летнем парке на скамейке
С внуком бабушка сидит.
Непоседливый Матвейка
Ловко спрыгнул и кричит:

– Догоняй меня, бабуля!
– Где уж мне с больной ногой?
Не она б, так я, как пуля,
Полетела за тобой.

Молодой-то я, бывало,
День-деньской – бегом, бегом.
Никогда не уставала.
А сейчас – чуть-чуть, шажком.

– Я живой воды достану,
Чтоб ты стала молодой.
– Это было б очень славно.
Вот спасибо, дорогой.

Внук – к фонтану и в ладошках
Пару капелек несет.
…А за мокрую одежку
Никому не попадёт?

***

В пол-литровой банке в сенях
И сметаны – чуть на дне.
Ведь учуял кот Арсений
И прокрался в тишине.

С головой залез он в банку
И смакует не спеша.
Ай да бабкина сметанка,
До чего ж ты хороша!

Всю зачистил он сметану
И попятился назад.
Голова застряла в банке –
Ни туда и ни сюда.

Кот и лапами пытался
Шлем стеклянный этот снять.
Ничего не получалось,
Стал на помощь бабку звать.

Прибегает бабка в сени:
«Что за чудо! Космонавт!».
Кличет деда поскорее
Это чудо увидать.

Глянул дед: – Да тут, пожалуй,
Надо банку разбивать.
Хоть тебе ее и жалко,
Надо Сеньку выручать.

По посудине легонько
Молоточком тюкнул дед –
И котенок, весь довольный,
Вновь увидел божий свет.

И мурлычет, и ластится:
«Дед и бабка, вас люблю.
За свободу вам спасибо.
Я …мышей вам наловлю!».

***

Мама в садик шла с Павлушей,
Сына за руку вела.
Впереди большая лужа,
Тонким льдом она взялась.

Павлик вырвался от мамы:
«Ну-ка, выдержит ледок?».
И уже к середке самой
Мальчик делает шажок.

– Упадешь, сынок! Павлуша!
Ну, вернись, прошу, назад.
– Крепкий лед на этой луже!
Это к нам пришла зима?

…Я за ними шел с работы.
Оглянулся – никого.
И по льду – а что? – потопал.
Провалился, ё-моё!

Промочил ботинок правый.
Видно, так уж суждено.
Мать меня не отругает:
Мамы нет моей давно…

Каждому мама нужна

С ветки на ветку белочка скачет:
– Ой, заблудилася я…
Дождь поливает. Белочка плачет:
– Мама! Спасите меня!

Мама Бельчиха плач услыхала:
– Где же ты, дочка моя?
Ветра быстрее к ней прискакала,
В домик-дупло привела.

Кончился дождик. Солнышко радо:
Снова вся вместе семья!
Мама – зверятам, мама – ребятам,
Каждому мама нужна.

***

Говорил отец-карась
Сыну-карасенку:
«В водоем чужой не лазь,
Мало в этом толку:

Попадешься на крючок
Или в зубы к щуке.
Выжить – это, знай, сынок,
Сложная наука».

…Летним утром сын-карась
Повстречал плотвичку
И влюбился – первый раз! –
В эту невеличку.

Вместе плавают по дну
И наверх всплывают,
Солнцу в небе подмигнут
И опять ныряют.

Позабыли обо всем,
Весело играя,
И в соседний водоем
Забрались случайно.

Вдруг, откуда ни возьмись,
Окунь разъяренный.
Мог бы разом закусить
Парочкой влюбленных.

Но за ним вовсю гналась
Щука, как торпеда,
Широко открыла пасть –
Есть чем пообедать!

Только это и спасло
Малышей от смерти.
Слава Богу, пронесло,
И – домой скорее!

…Лишь родная сторона
Приютит, согреет,
Даст покой душе она –
Нет ее милее!

***

Во дворе стоит береза
Высотой с хрущевский дом.
Мальчик, лет семи, Сережа
Говорит: – А что, Артем,
Если нам залезть до верху?
– Ну, давай. А кто начнет?
– Я придумал, я и первый.
– Ну, давай. Тогда вперед.

До верхушки уж до самой
Он залез совсем почти.
Глянул вниз. Захныкал: – Мама,
Как с такой мне высоты
Одному слезать обратно? –
И прижался ко стволу:
На верху качает страшно,
Ветер треплет, гнет листву.

…Мама шла из магазина.
Увидала. Страх в глазах
За Сереженьку, за сына.
Чуть не вскрикнула: «Ах! Ах!».

Но сдержалась и спокойно
Говорит ему с земли:
– Ты сейчас, Сережа, только
Не смотри так часто вниз.
И ногами щупай ветки,
За березоньку держись.
Как по лесенке, без спешки
До меня спускайся вниз.
Молодец. Еще немного.

Ветку можно отпустить.
…Как земли коснулись ноги –
Мать заплакала навзрыд.

– Мам, не плачь. Забудь про это.
Я ведь слез. И вот живой, –
Не успел сынок заметить:
Мама сделалась …седой.

***

Пропахшая летом тропинка
И чудный, безветренный день.
У маленькой елки Иринка
Проворно присела на пень.

Спросила у бабушки Гали:
«А мама у елочки есть?»
– На том она месте стояла,
Куда ты решила присесть.

Испуганно внучка вскочила,
Коснулась ладошечкой пня:
«Зачем тебя люди спилили?
Ведь дочка осталась одна…».

А бабушка ей отвечала:
– Все терпит родная земля…
Мир сделан из света, печали,
Из радостей, горя и зла.

И чтобы побольше в нем было
Счастливых и солнечных дней,
Чтоб землю оставить красивой,
Всем людям жить надо дружней,

Беречь и леса, и речушки,
Друг другу улыбки дарить.
Ах, милая внученька, внучка,
Как просто и сложно нам жить.

…Шли старый и малый тропинкой,
Катилось им солнышко вслед.
А облачко в белой косынке
С небес посылало привет.

***

В курятник прокралась лисица,
Добычу схватила – бежать!
Петух как за нею помчится,
Ведь курочку надо спасать.

Как коршун, на хищницу смело
Набросился, клюнул ей в лоб.
От страха лисица присела
И носом зарылась в сугроб.

А Петенька с курочкой сразу
В курятник скорее пошли.
От смерти подруженьку спас он!
А, мальчики, вы бы смогли
Девчонок и мамочку вашу
От грозных врагов защитить?
Тогда ешьте манную кашу,
Чтоб крепкими, сильными быть!

***

Купил Сереже папа
Красивый самокат.
А сын его ребятам
Отнес в свой детский сад.

И весело катались
Никита, Алексей,
Наташа, Света, Галя
И радовались все.

Вот кубики Оксана
Марине поиграть
Дала. А мальчик Ваня
Помог ей собирать.

Слова забудьте эти –
«Моё!», «Уйди!», «Не дам!» –
И слёз не будет, дети!
Жить легче станет вам.

И я не жадный тоже:
Свой стих я всем дарю –
Артему и Сереже,
И Любе, и Петру,

Максиму и Игнату,
И Маше, Даше, Льву,
Андрюше, Вове, Кате –
Не жалко никому!

***

Дима шлепает по лужам –
Брызги в стороны летят!
Все ему проверить нужно
По дороге в детский сад.

Мама за руку сыночка
Тянет дальше от воды:
«Упадешь! Промочишь ножки.
Экий неразумный ты».

А сама забыла вовсе:
Схлынет ливень грозовой –
По траве, по лужам босой
В детстве бегала с сестрой.

За грязные, мокрые платья,
Конечно, бранила их мать.
А вы своих деток, ребята,
Не будете – точно? – ругать?

***

С крылом подраненным сороку
Однажды в дом принес Матвей.
Руками мать всплеснула: «Доктор
Ветеринарный нужен ей».

В лечебницу сходили с птицей,
Где ей поправили крыло,
Перевязали. Подлечиться
К себе Матвейка взял её.

Антипова Екатерина, 13 лет

К нему сорока так привыкла –
С ладошек крошки стала брать.
Когда совсем уже окрепла –
Давай по комнате летать.

К открытой форточке взлетела,
Крылом махнула – мол, прощай,
Хорошее ты сделал дело.
Спасибо и не забывай.

Вспорхнула – и встречай свобода.
Матвейка наш загоревал.
«А, может быть, вернется снова?» –
И форточку не закрывал.

…Проснулся как-то он, а птица
Сидит на краешке стола
И наговаривает: «Слышь-ка,
Ты посмотри, что принесла».

А на столе блестит колечко
Из высшей пробы серебра.
Матвейка мать позвал, конечно.
Она заахала: «Ура!
Так это же моя потеря!
Ах, Белобокушка, ты как
Его нашла? Матвей, скорее
Налей-ка птичке молочка».

В морозы лютые сорока
С Матвейкой в комнате одной
Живет. И ей не одиноко:
Она же стала всем родной.

Однажды в июле

Однажды на лыжах в июле
Отправился Вася в поход.
А с ним собралась и бабуля,
Рюкзак за плечами несет.

А в нем пироги и ватрушки,
Носки шерстяные и зонт.
Любила внучонка старушка:
Единственный все-таки он.

По лесу идут, собирают
Малину, картошку, грибы.
Когда же порядком устали,
Костер развели у воды.

Бабуля достала припасы,
Сварила грибовницу вмиг.
Увидел вдруг зайчика Вася:
Из чащи он выскочил – прыг!

И сел у костра перед ними,
И жалобно так говорит:
– В лесу у нас нет магазина,
Где можно покушать купить.

Я с голоду скоро опухну,
К спине прилипает живот…
Ему пирожочек капустный
Бабуля с любовью дает.

А Вася погладил зайчишку:
– В деревню пойдешь с нами жить?
Тебе я построю домишко,
Мы будем играть и дружить.

Любимцем семьи стал зайчонок.
Его приходили смотреть
Соседи, мальчишки, девчонки.
Могло быть такое иль нет?

…Ошибки в стихе у поэта
Найдите, прошу вас, друзья.
Спросите у автора, дети,
Так можно писать иль нельзя?

***

На беленьком на облачке
Слоненок пролетал
И сверху детям хоботом
Приветливо махал.

А облачко растаяло –
И слоник прыгнул вниз.
«Везде тебя искала я.
Куда пропал малыш?» –

Слониха ножкой топнула.
А маме сын в ответ:
«Хотел слетать до солнышка –
Туда билетов нет…».

Мельцина Виктория, 13 лет

Солнечный вагон

Стучали на стыках колеса,
Мелькали проселки, поля.
За электропоездом Осень
Устало, понуро плелась.

Унылые, хмурые лица –
Осенней погоде под стать.
В руках ни журавль, ни синица –
Дай, Боженька, день скоротать.

Кудрявая девочка Настя
В вагонное смотрит окно.
А там – серый дождик, ненастье…
– А солнышко? Где же оно?

Мне так без него очень скучно, –
Девчонка готова всплакнуть.
Но вдруг ожила: – Папа, слушай,
А что если шарик надуть?

Мы с мамой их много купили.
Убрали вот в этот пакет.
– Какой тебе? Красненький? Синий?
– Нет, желтый, – дочурка в ответ.

– Пусть будет на солнце похожим,
Чтоб стало в вагоне светлей.
И скоро назло непогоде
В нём сделалось сразу теплей.

Девчонка с шаром меж скамеек
Летает туда и сюда.
И люди душой подобрели.
Куда подевалась хандра?

А Настенька солнышко-шарик
Рукой пассажиру толкнет,
Его тот легонько ударит
И девочке снова вернет.

Вот дачник, рюкзак отодвинув,
А с ним и житейскую хмарь,
Пасует соседке с корзиной:
«А, ну-ка, и ты поиграй!».

И даже серьезный священник,
Запрятав улыбку в усы,
Отправил шар без промедленья
Студентке с ближайшей скамьи.

…И взрослые дяди и тети
С малышкою в Детство ушли,
Забыли недуги, заботы.
И небо светлело вдали!

***

В модных в обтяжечку брючках,
Синие с искрой глаза.
Дед с раскрасавицей-внучкой,
За руки взявшись, скользят
По льду катка городского.
Вечер. Морозный денек.
Месяц блестящей подковой

Пробует звонкий ледок.
Внученька – бух! Ни слезинки.
Дед помогает ей встать.
Молодость: «Дальше помчимся?».
Старость: «А сможешь догнать?»…

***

Звенит звонок задиристо-веселый,
И в перемену снова пыль столбом.
И кажется, что в этот миг вся школа
Качается и ходит ходуном.
А на урок звенит он по-другому,
Не слышно прежней лихости в звонке.
Он понимает, как из нас любому
Порой не хочется идти к доске.
Но я готов опять спрягать глаголы
И провожать Наташку до угла.
Не вычеркнуть из жизни нашей школы –
Тропинка к ней сквозь сердце пролегла.
Девятый класс… Вернуть бы те денечки,
По речке сплав и песни у костра!
Не мы теперь гуляем – наши дочки.
И нам не спать до самого утра.
Но я хочу опять спрягать глаголы
И провожать Наташку до угла.
Не вычеркнуть из жизни нашей школы –
Тропинка к ней сквозь сердце пролегла.

***

…Румяная мордашка,
Веселые глаза.
Дед с внучкой-первоклашкой
На лыжах в лес скользят.

Спросила вдруг Наташа:
– Ты много знаешь, дед.
Вот королей, как раньше,
Сегодня в мире нет?
Пройдя в уме по странам,
Ответил дед Степан:
– Живёт король в Испании
По имени Хуан.
– Счастливые испанцы –
Как в сказке, всё у них:
Король со свитой, танцы.
Там есть и принц-жених? –
И светится девчонка,
От жизни чуда ждёт.
Пусть ей в родной сторонке,
Как в сказке, повезёт!

***

Какая великая миссия
У солнца – светить для людей!
Оно нас не делит на избранных –
На сильных и тех, кто слабей.

Всех солнышко греет без устали,
Не требуя платы взамен.
Ему рады старцы, безусые,
И нищие, и бизнесмен.

Вот каждый из нас стал бы солнышком –
Светил и дарил бы тепло.
И в мире, враждой переполненном,
Навеки исчезло бы зло!

***

Войны минувшей ветераны,
России стойкие бойцы,
Мы бесконечно благодарны
Вам, наши деды и отцы,
За то, что ярко солнце светит,
За тихий вечер у костра,
За то, что могут наши дети
Спать безмятежно до утра,
За то, что завтра на работе
Опять увижу я друзей,
За то, что мы пойдем в субботу
Ловить с сынишкой карасей.
Фатой черемуха накрылась –
Опять на выданье весна.
Не дай же, Бог, чтоб повторилась
Еще одна, одна война...

***

В Луганске в тот день не стреляли,
Не рушились школы, дома.
В песочнице с куколкой Галей
Играла малышка одна.
А мать, возвращаясь с больницы,
Спешила к дочурке своей:
Не терпится ей убедиться –
Жива ли, всё ладно ли с ней?
Ведь столько обстрелов бывало –
И ночью, средь белого дня:
Сидели по суткам в подвалах.
«Ну, где же ты, дочка моя?»

… Проворно ручонки совочком
Пещерку в песке создают.
И мама погладила дочку:
«Что будет, Наташенька, тут?»
«Убежище куколке Гале.
От пуль она спрячется здесь».
И мама навзрыд зарыдала:
«Где детство счастливое, где?...»

…А солнышко яблочком спелым
Скатилось на землю и к ним:
«Не плачьте, врага одолеем!
Мы с вами еще постоим».

Лысьвенская каска

Закружила свинцовая вьюга,
Рикошетом по каске прошла.
Шлем уральский, спасибо за службу.
Сколько жизней ты, каска, спасла!

Мой отец воевал в этой каске,
Моя мать штамповала тот шлем.
Все для фронта, для Армии Красной,
Ведь Победа нужна была всем.

С пограничных высот пахнет гарью,
Темным силам еще не капут.
И поныне российские парни
На задание в каске идут.

Да, тебя и сейчас надевают:
Без нее невозможно бойцу.
Ну, а все-таки кепка простая
Вам, солдатики, больше к лицу.

Бессмертный полк

Бессмертный полк шагает по России,
У каждого – и выправка, и стать.
В его строю и мой отец Василий,
Которому всего здесь двадцать пять…
Идут в полку и правнуки, и внуки,
И дети тех, кто жизнь отдал за мир.
Эй, недруги, прочь от России руки!
Свобода, братство – наш ориентир.
И снова май победный на планете,
И соловьи запели о любви.
Весны бы точно не было на свете,
Не будь бессмертных воинов твоих,
Россия! Ты несешь народам веру
В добро и справедливость на земле.
Нас миллионы, и наш полк бессмертный
Не даст исчезнуть солнцу в черной мгле!

***

Был отец мой не шибко речистый.
Помню, в детстве его я просил:
– Расскажи, как сражался с фашистом.
Сколько гадов ты этих убил?

– Ничего интересного нету
В этой самой проклятой войне.
Столько крови и смерти на свете
Довелось там, сынок, видеть мне,
Что не дай же, Господь, чтоб на долю
На твою это выпало вдруг.
Нам война принесла столько горя –
Оглянись-ка пошире вокруг.
У дружка твоего у Сереги
Батя голову в Минске сложил.
И твой дядя, мне брат он, Володя,
До Победы, увы, не дожил.

И отец потушил сигарету,
И ладонью потер по виску,
И …вдруг замер готовый к броску
На врага по сигналу ракеты.
…Я с портретом отца в День Победы
Прошагаю в Бессмертном полку.
Нету силы мощнее на свете –
Не сломить этот полк никому!

***

Город мой не страдал от облав и бомбежек,
Мостовые фашистский сапог не топтал.
Но порой, словно пулей вражеской скошенный,
То один, то другой у станка умирал.
Почернели от угольной копоти лица,
И от голода кругом идет голова.
Фронту всё отдавала рабочая Лысьва.
Вновь надели шинели твои сыновья.
Шли солдатам снаряды и каски с Урала,
Гул в цехах не смолкал от темна до темна.

От домашней к мартеновской печи вставала
На войну проводившая мужа жена.
Надрывались не славы и почестей ради.
Лишь бы с фронта вернулись мужчины домой.
Это было бы самою лучшей наградой –
Всей семьею собраться под крышей одной.
Счастье это изведать немногим досталось…
Редкий дом «похоронка» прошла стороной.
Не дадим, чтобы снова война разгоралась!
Отстоим от пожара наш шар голубой!

***

Есть город уральский с названием Лысьва,
Что значит «лесная вода».
Куда бы ни ехал, куда б ни стремился,
К нему возвращаюсь всегда.
Такого большого нет города в мире,
С улыбкой о том говорят:
Раскинулась Лысьва аж до «Сахалина»,
На запад – до самых «Карпат».

Над прудом склонилась плакучая ива,
Кипрей на угоре зацвел.
Скажу откровенно, я места красивей
Искал, но нигде не нашел.
«Вставай, просыпайся, сторонка родная!» –
Гудок на заводе пропел.
Умельцы опорного края державы
Шагают: у них много дел.

С Урала, где долгие лютые зимы,
На юг не летит воробей.
Ты выстоишь, знаю, мой город любимый,

Ильичёва Анастасия, 13 лет

Я крепче не видел людей.
В цехах металлурги ковали Победу,
Про отдых забыв и покой.
Войну потому одолели мы эту,
Что жили единой семьей.

Иду я тропинкой вдоль речки Травянки,
Ласкает лицо ветерок.
С окраины слышатся звуки тальянки –
Живет мой родной городок!
Есть город прекрасный с названием Лысьва,
Что значит «лесная вода».
Куда бы ни ехал, куда б ни стремился,
К нему возвращаюсь всегда!

***

Тихо падают листья,
Под ногами шуршат.
Утро доброе, Лысьва.
Как же ты хороша!
То девчонкою скромной –
Макияжа чуть-чуть –
Ты вздыхаешь в сторонке,
От подруг пряча грусть.

То румянец на щечках,
Смех задорный такой,
Каблучком как притопнешь –
В пляс пойду за тобой.
А как женщиной статной
По аллее пройдешь –
Не могу без оглядки:
Ты с ума всех сведешь.

А еще ты похожа
На старушку на мать:
Обогреешь, накормишь
И умеешь прощать.
Тихо падают листья,
Под ногами шуршат.
Здравствуй, милая Лысьва,
Как же ты хороша!

***

Я помню, «Пулеметное гнездо»
Мы в детстве звали «Бабушкой в окошке».
Переиграть дружка не мог никто:
Был Женька Рябов сильный городошник.
В чижа, в лапту – о, как играли мы!
Домой силком нас мамы загоняли.
Где игры нашей русской старины?
Куда же вы, родные, подевались?
Царил в тех играх единенья дух -
Его и сыновьям отцы привили.
Нет, даже и матерому врагу
Не покорить артельную Россию!
…Вот Женьку Рябова до боли жаль.
С гранатою, как с битой, шел на танк он –
Подбил, но, пулею сраженный, пал:
Погиб геройски наш дворовый Данко…

Баллада о кусочке хлеба

Сестре Вере

Девчонка лет пяти от силы
Кусочек спрятала в карман.

«А это папе, – объяснила, –
Придет, я хлебушек отдам».
…Отец на лавку сел устало:
Заныло в раненой ноге.
К нему дочурка подбежала:
«На, папа, это я тебе».
Он взял кусочек ноздреватый.
Той крохи – курице на раз.
Но почему же у солдата
Слезинки катятся из глаз?
Прошел отец сквозь ад бомбежки,
Под Сталинградом устоял.
А перед хлебной черной крошкой
Солдат без боя отступал.
Ей не понять, малышке, было,
Зачем он встал из-за стола.
Она вокруг него крутилась:
«Поешь. Ведь хлебушек дала».
Отец неловко дочь погладил
Рукой шершавой по косе
И вдруг медальку «За отвагу»
Он с гимнастерки снял своей.
Ей прикрепил медаль на платье:
– Смотри, однако, не теряй.
А хлебушек доешь сама ты.
Я сытый. Ну бери давай.
…Глаза малышки засветились,
В них нет намека на отказ:
В тот год еще не отменили
Системы карточной у нас.

Мухтар

Бежал плечом к плечу в атаку
С бойцами взвода своего.
– Ур-ра!
И взрыв… Вперед солдаты
Уже шагали без него.

А он лежал на дне воронки
С ранением сквозным в ноге.
Но, тая от потери крови,
Всё ж не сдавался той карге –
Старухе, что в руках с косою:
«Погодь, Костлявая. Уйди!
С тобою мне не по пути.
Пока я жив, чего-то сто́ю».

Пытался встать – пал без сознанья.
Очнулся – пёс стоял над ним.
В собачьей сумке санитарной
Нашел боец и жгут, и бинт.

…Привел Мухтар* солдат санроты
До раненого в нужный час.
Хватило сил тому на шепот:
«Спасибо, друг. Ты жизнь мне спас».

**Мухтар – собака-санитар. За годы войны Мухтар спас около 400 раненых бойцов, в том числе и своего проводника, ефрейтора Зорина, контуженного взрывом бомбы. Интернет*

Под музыку природы

Под музыку природы
Я плачу и смеюсь.
В любое время года
Я с ней не расстаюсь.
У речки, у березки
Есть песенка своя.
Под их мотив неброский
Поёт душа моя.
К осенней паутинке
Ты присмотрись, собрат:
В ней ноточки-росинки
Мелодией звучат.
Под музыку природы
Люблю, грущу, молюсь.
В любое время года
Одною ей лечусь.

***

Как только станут ноздреватыми
Сугробы с южной стороны,
На сердце радость: ну, ребятушки,
Кажись, дожили до весны!

***

Раннее утро лесное.
Солнышко. Птички поют.
До боли все это родное!
В сердце покой и уют.

***

Кубанские летние ночи.
Сияние звезд. И луна!
Прохлада и нега. И очень
Загадочная тишина.

Галактика! Вот она, рядом.
Я в ней. Иль она ли во мне?
Пройтись бы по Млечному шагом,
Как в детстве босым по земле.

Лелею надежду на встречу
С пришельцами с дальних планет.
Я их угостил бы черешней –
Вкуснее ее в мире нет.

Под ней я и сплю жарким летом,
Беседую с яркой звездой,
Что ласково светит сквозь ветви
И в жмурки играет с листвой.

***

Край родной! Туманы, росы,
Перелески, поле, пруд…
По тропиночке заросшей
Снова б в Детство заглянуть,

В деревеньку, где я вырос,
Где березы – всех стройней.
Возле изб ее крапива –
Даже та чуть зеленей.

На заре проснусь я алой,
Зная точно, наперед:
Солнце в щелку сеновала
Поприветствовать зайдет.

Луч его затрону пальцем,
Как струну гитарную –
И пылинки в легком танце
Закружатся парами.

Край родной! Туманы, росы,
Перелески, поле, пруд…
По тропиночке заросшей
Снова б в Детство заглянуть!

***

Не слышно трелей соловьиных.
Что ж, лето красное – на спад.
А я шагаю по тропинке
К березкам. Вон, они стоят
На берегу крутом речушки,
Руками-ветками сплетясь.
Как две подружки-хохотушки:
Гармонь услышат – сразу в пляс.

…А ветер-гармонист устанет –
В зеркальную глядятся гладь:
В прическу девичью не рано ль
Вплелась седеющая прядь?...

***

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою»

Сергей Есенин

Я в грудь себя не бил ни разу –
О, дескать, как люблю я Русь!
К чему бросаться громкой фразой?
Я лучше с удочкой пройдусь,
Оставив след в траве росистой,
От полустанка Лязгино
По речке детства, речке Лысьве.
О, как здесь не был я давно!
Вот тут когда-то пацанами
Мы до рассвета жгли костер,
Купались, спорили, мечтали,
Манил космический простор.
А вон та самая береза –
К воде шагает с бугорка.
Как по весне лила ты слезы –
Тебя жалели облака.
К ней подойду, прильну щекою.
Она ветвями обовьет
И что-то светлое такое
Мне нежно на ухо шепнет.
…Я в грудь себя не бил ни разу
И не кричал: «Люблю я Русь!»
Уж так полно любви в той фразе –
Я …расплескать ее боюсь.

***

Зимовать готовы ели.
Им-то ладно, ничего:
Шубки белые надели.
А березкам каково?

На ветру да на морозе –
Это вам не у костра.
Но весной от счастья слезы –
Позади зима. Ура!

***

Это кто к весне подкрасил,
Так березки подновил?
Чтоб им стать светлее, краше,
Сколько надо же белил?
Щедрый был, видать, тот мастер.
Он белил не пожалел.
Где ж упала с кисти краска –
Там подснежник зазвенел!

Предзимье

Валерию Возженникову

Предзимье стихами обижено.
Не то, что, к примеру, весна:
Капелью и солнцем пронизана
Почти в каждой строчке она.

А в пору предзимнюю времечко
Как будто устало шагать –

На взгорке присело у реченьки:
«Чего же теперь ожидать?».
Природа печально-унылая:
Метели, мороз впереди…
Дрожит каждой веточкой милая –
Где силы такие найти,
Чтоб выстоять зиму ей властную,
А после обрадовать вновь –
Есть в мире столь хрупком, не ласковом
И вера, надежда, любовь!

Васильки

Васильки, что на поле на хлебном,
Сорняки это все-таки или цветы?
Это нотки из песенки неба,
Что сбежали по струнам дождя с высоты.

Пробуждение

Из белых из мокрых пеленок
Земля распиналась. Проснулась!
Доверчиво маме спросонок
Ручонки свои протянула.

Зеленую ей распашонку
Весна примеряла, надела.
Сама же, любуясь в сторонке,
На доченьку нежно глядела.

Подснежник

На воробьиный скок прибудет
Денек – а в сердце уж светлей!
Весна спешит: ведь знает – людям
Живется с нею веселей.

Еще мороз теребит щеки,
Прохожих вьюга валит с ног.
Но где-то там, под снежной толщей
Сил набирается цветок!

***

«Рядышком с берегом
Мертвое дерево.
И ствол без коры –
Прошлись топоры»

Федор Востриков

Какое буйство красок
Нам дарит нынче осень!
«Вглядись, как мир прекрасен!» –
Она с мольбою просит.
А мы его пластаем
Безжалостно и грубо,
Того не замечая, –
Себя под корень рубим…

***

С рыжим посохом Осень шагает.
Прикоснется лишь к дереву им –
Улыбнется оно, обласкает
Взглядом светлым, почти золотым.

Прикоснись своим посохом, Осень,
К людям злым, с потемневшей душой –
Сделай каждого добрым, хорошим.
И ступай на свиданье с Зимой.

Братья-погодки

Январь

В тепло синичка просится,
Свирепствует мороз.
Ядреный дедка Просинец,
Ты что в мешке принес?

P.S. Январь, первый зимний месяц, назывался на Руси «просинцем», потому что впервые после низкого хмурого небосвода декабря появлялись «проталины» – островки синего неба.

Февраль

Шалун и задериха –
Последний сын Зимы:
Свистит в два пальца лихо
Средь белой кутерьмы.

Март

Семь пятниц на неделе:
То слезы горьки льет,
То круто заметелит,
То ласковый, как кот.

Апрель

Каков апрель, вот шалый!
Ну, братец, натворил –
Одной природы мало,
Так сердце разбудил!

Май

В хмельном цвету черемуха,
Картошку садит люд.
Всю ночь до самой зореньки
Соловушки поют.

Июнь

Июню жмут ботинки.
Он их легонько снял
И босым по тропинке
До речки побежал.

Июль

Солнце ласково с утра
Землю греет.
Сенокосная пора
В апогее.

Август

У Августа лукошко
Полнехонько, с верхом.
Всем хватит понемножку,
Мороз переживем!

Сентябрь

Бабье лето окраиной
В городок мой вошло,
Под березою старенькой
Отдохнуть прилегло.

Октябрь

В полях затишье. Отдыхают нивы.
Капусту запасают на засол.
Медведь готовит зимнюю квартиру.
Ну, вот и батюшка Октябрь пришел.

Ноябрь

На первый лед выходят рыболовы,
И открывают лыжники сезон.
Ноябрь с дверей срывает все засовы
И гостью белую пускает в дом.

Декабрь

Дни самые короткие.
Узоры на стекле.
Под шубою не знобко ли
Земелюшке-земле?

***

От света осенних березок,
Что свечками в поле стоят,
Мир кажется вовсе не грозным:
К лицу ему светлый наряд.

По краешку бабьего лета
Шагаю сторонкой родной.
И нежностью сердце согрето,
И благость в душе и покой.

***

Капелька осени
В лето упала:
В зелени проседью
Робкой застряла…
Грустно березоньке:
«Что ж это стало?
Снег в моих косоньках?
Может, растает?...»
Ты не кручинься,
Зоренька ясна.
Ты и в день зимний
Люба, прекрасна!

***

Внуку Николаю

Мой старший внук Вершинин Коля,
Кубань тебе – родная мать.
А я – с Уральского предгорья.
У нас здесь тоже благодать.

Еще какая! Ты вот летом
Езжай ко мне погостевать.
Лещей половим на рассвете,
Таких – в садок войдет едва.

А то махнем-ка за грибами?
Красноголовиков у нас –

Косой коси. А как устанем,
Бултых в реку. Водичка – класс!

Красна́ и осень на Урале:
Светла природы русской грусть.
Вернешься, внук, ты здесь к причалу –
К Есенину, в святую Русь.

А как зимой у нас прелестно!
Лишь только за́ город ступи –
Мороз и солнце, день чудесный
Зажгут восторг в твоей груди.

Ну, а весна в тебе разбудит
Надежду, веру и любовь!
На них мой край родной не скуден.
Переезжай ко мне! Слабо?

Русский лес

Здравствуй, лес, мой друг зеленый,
Самый верный и родной!
Я давно в тебя влюбленный.
Летом, осенью, зимой
И весной ты не наскучишь
В светлой радости, в беде.
Ничего на свете лучше
Не встречал ещё нигде.
Успокоишь, обогреешь,
В сердце боль уймёшь моём,
Приласкаешь, пожалеешь –
И опять живем. Живём!

Осинка

Осинка смущенно зарделась,
Примерив осенний наряд.
От зависти ель потемнела,
Березки ревнуя глядят.
А та от такого вниманья
Румянцем покрылась сильней –
Как будто на первом свиданье.
И стала ещё хорошей.
…Не зря благосклонна природа
К судьбе её горькой, не зря.
Пусть скрасит земные невзгоды
Хоть это вот платье-заря!

***

Барабанит дождь по крыше
В ритме танго: до, ми, соль.
Эту песню, кто услышит,
Подпевает в унисон.
В ручейке весеннем нотки
Переливчато журчат.
Листья ясеня в охотку
Музыкально шелестят.
Утром солнышко проснулось
От мелодии друзей:
Потянулось, улыбнулось,
Засияло веселей.

Мечта

Легким облачком взлететь бы,
А назад – грибным дождем.
Радугою – вновь на небо
И сиять цветным огнем!

***

Я там, где Чусовая, Кама
В объятьях родственных слились,
Все чаще вспоминаю маму:
Вот так и я, совсем малыш,
К ней прижимался, испугавшись.
Лицом в подол зароюсь к ней –
И становился страх пустяшным,
А мир – добрее и светлей!

***

На свете слов хороших много,
Но крепче стали и огня –
Россия, Пушкин и свобода –
Слова святые для меня.

***

Наши дедушки играли
В городки, чижа, в лапту.
Эти игры развивали
Силу, ловкость, быстроту.

А сегодняшние дети?
Вместо биты и мяча
Тычут пальцем по планшету,
В нем вся радость и мечта.

Все в плену у Интернета –
Дима, Женя и Артем.
Так застряли в этих сетях –
Вырваться из них с трудом.

Без компьютера, не спорю,
Без него – никак, друзья.
Но сидеть пред монитором
День-деньской – ой, нет, нельзя.

Свежий воздух и движенье –
Вот чего не достает,
Вам, ребятки, от рожденья.
Ясно вам? Тогда вперед –

На спортивные площадки,
В лес на лыжах, стадион.
И здоровью – быть в порядке,
И до ста лет доживем!

Страна Детства

Я из Детства страны,
Где от Деда Мороза
С наступленьем зимы
Ждут подарок-мечту.
Я из Детства страны,
Где подружки-березы
Манят в свой хоровод
На зеленом лугу.

Я из Детства страны,
Где ручные дельфины,
Где Иван-дурачок
На Руси стал царём.
Я из Детства страны,
Где дружил я с Мальвиной,
Где водою тушил
Кошкин старенький дом.

Мне бы в Детства страну
Хоть на час возвратиться…
Где ковер-самолет,
Чтоб домчаться туда?
Может, в Детства страну
Улететь на Жар-птице,
Где для добрых людей
Есть живая вода?

***

Не индийский, не цейлонский
Чай любимый у меня.
Не напиток он заморский,
Чай с душицей – страсть моя.

Потому что наш он, русский!
Пахнет родиной моей.
Аромат духов французских
Блекнет, блекнет перед ней,

Нашей скромною душицей.
Низкий ей поклон земной.
Как напьюсь я чаю – снится
Край уральский мой, родной!

***

– Я сильнее всех на свете, –
Говорит Огонь Воде.
– Превратить могу я в пепел
Всё живое на земле.

– Ну, попробуй, – забурлила
Необъятная Вода
И пожар весь потушила:
– Кто из нас сильней тогда?

…Обуздал реку плотиной
И Огню работу дал.
Ну, так кто же самый сильный?
Человек! Конечно, да!

Баллада о собаке

Съежился город. Холодно.
Вьется над крышами дым.
Сердце собачье – молотом,
Мчится по улицам Джим.
Друга увозят от Джима,
Чует собака беду.
Надо успеть за машиной
С красным крестом на борту.
Двери захлопнулись. Поздно.
Двое куда-то внесли
Друга его осторожно.
Вечер коснулся земли.
Джим у подъезда остался –

Ждет, не появится ль друг.
К входу, стремглав, он бросался,
Двери заслышав стук.
Шерсть не спасает: под сорок
Градусов стало к утру.
Джим не сбежал – у забора
Вырыл в снегу конуру.
Ровно неделя проходит.
Джим не покинул свой пост,
Взгляд от дверей не отводит,
В инее морда и хвост.
Весть о собаке преданной
По этажам разнеслась
Средь пациентов, медиков,
Горечью отозвалась
Знали, что жизнь хозяина –
Гаснущей пламя свечи…
Хоть за него и отчаянно
Сутками бились врачи.
Лакомства Джиму из дома
И из столовой несут.
Пищу совсем он не тронул,
В умных глазах только грусть.
Что же с хозяином стало?
Скоро ли выйдет к нему?
И пожурит, приласкает,
Как не суметь никому.
…Падает снег. Вечереет.
Пусто вокруг. Ни души.
Холмик могильный чернеет,
Джим на котором лежит…

***

Белой стрелою по белому снегу
Заяц летит. А за ним
Гонится, словно живая торпеда,
С лаем породистый Джим.

Заяц-беляк чуть замешкался, было.
В ноги охотнику пал –
Дескать, сдаюсь, больше нет уже силы.
Уши от страха прижал.

Пес подбегает: «Что медлишь, хозяин?
Вон же он рядом. Бери!».
«Друг, извини, но в таких не стреляют», –
Хлопнул в ладоши: «Беги!».

Сам придержал за ошейник собаку,
Чтобы косой убежал.
Так всё и было, её-Богу, ребята.
Я вам ничуть не солгал.

***

Зарека́ ты моя, Зарека́...
Здесь и солнышко ласковей греет,
И рябина не так уж горька,
Здесь и люди душою добрее!

Зарека ты моя, Зарека...
Пронеслись годы школьные звонко!
В первом «ма-ма» выводит рука,
А в девятом – признанье девчонке.

Зарека ты моя, Зарека...
В палисадниках буйство сирени!
Счастье рядом – в пяти лепестках.
Их найти бы, да что-то со зреньем...

Зарека ты моя, Зарека...
В жизнь путевку ты многим давала.
Кто ж смотрел на тебя свысока –
Словно мать, ты им это прощала.

Зарека ты моя, Зарека...
Ты характеры наши ковала.
Слышу песнь заводского гудка –
Повторить бы всю юность сначала…

Зарека́ – поселок имени Свердлова в Лысьве, в народе Зарека́, Гора.

***

– Когда совсем я стану взрослым,
Автобус буду я водить, –
Друзьям признался как-то Костя.
– А я, – Аленка говорит, –
Торты высокие, как башня,
Красиво делать научусь.
– Я буду вратарем, как Яшин, –
Сказал Денис. – И я добьюсь!

– А я хочу быть, как мой папа.
Он может делать это всё –
Водить машину, даже стряпать
И подкачать мне колесо
К велосипеду. И в футбол он

Умеет здорово играть –
И в настоящий, и в настольный, –
Ответил с гордостью Игнат.

Вы кем хотите быть, ребята?
Врачом, учителем, певцом?
А, может, просто стать вам надо
Хорошей матерью, отцом?

Чтобы мир похорошел

Солнце в небе заболело,
Свет померк в его глазах.
На земле кругом стемнело,
Плачут люди, плачут звери:
«Что случилось в небесах?».

И на горную вершину
Все земляне поднялись,
Громко крикнули: – Светило!
Поправляйся! Улыбнись!

– Вам спасибо за заботу, –
Красно солнышко в ответ.
– Знаю, то моя работа –
Всем дарить тепло и свет.

Но и вы друг другу чаще
Улыбайтесь, и тогда
Засияю я от счастья.
Мир обнимет Красота –

Красота улыбок ваших
И сердечных добрых дел.
Улыбайтесь, люди, чаще,
Чтобы мир похорошел!

***

Герою-пограничнику Алексею Новикову

В дупле развесистого дуба
Расположился Алексей.
Огонь прицельный вел отсюда
Защитник Родины своей.

Вторые сутки на исходе,
Земляк наш кровью истекал,
Но он не бросил пулемета,
Атаки вражьи отбивал.

Десятки трупов чужеземцев
Валялись на траве густой.
А что же с нашим Алексеем?
Лежит с пробитой головой…

Когда его, уже сраженным,
Увидел немец-генерал,
Героя русского достойно
Похоронить он приказал.

СТИХИ НА ВЫРОСТ

Последний лист

Последний лист на тополе остался.
Солдат в бинтах за ним следил в окно:
– Увижу: с дерева он оторвался –
И я за ним отправлюсь в мир иной…

А что? Кому теперь такой я нужен?
Без ног обеих. Правой полруки.
Прошу, сестричка миленькая, Ксюша,
Меня таким уколом уколи,

Наутро чтоб я не проснулся вовсе.
Боец отвоевался рядовой.
Таков закон природы. Видишь? Осень.
Вот и моя зима не за горой…

– А я хочу, таких чтоб разговоров
Не заводил со мной ты, Коля, впредь.
Иной, бывает, телом весь здоровый.
А вот душа – гнильё. Ты не из тех.

Душой ты парень очень добрый, нежный.
Жить надо, Коленька, назло врагу.
Давай договоримся: нос не вешать.
А если что, я рядом, помогу.

…Когда уснул, сходила за стремянкой.
Залезла. Привязала крепко лист.
Едва проснувшись, Коля спозаранку
Глядит в окно: «Смотри-ка ты, висит!

А прошлой ночью дождь хлестал. И ветер,
Казалось, будто выдавит стекло.
А лист последний держится на ветке.
А день какой – и солнышко, тепло!».

…Аллея парка. На скамейке Ксюша.
Муж Коля, на коляске, рядом с ней.
Сыночек их кудрявенький Андрюша
Кормил с ладошки сизых голубей.

О словах женского рода

В их числе есть Сердечность, Весна,
И Мечта, Доброта и Свобода,
И Любовь, Красота, и Природа!
Есть и мерзкое слово «война»…
Ну, зачем оно женского рода?
Эй, филологи! Из словаря
Исключите то жуткое слово –
И подснежник среди января,
Улыбнувшись, распустится снова!

Первая любовь

От одного окна к другому,
Волнуясь, переходит мать.
Дочь старшая ушла из дома
В тот вечер с парнем погулять.
Слегка откинув занавеску
И потушив сначала свет,

Глядит в окно: «Почти невеста,
А ей всего шестнадцать лет».
Вздыхает мать, в глазах тревога:
«Уже и за руки взялись?
А вдруг пойдут не той дорогой?»
– Отец, да что же ты? Очнись,
Ну, оторвись же от экрана.
Да пропади он твой хоккей!
В конце концов, скажи – «Динамо»
Иль наша дочь тебе родней?
…А в это время парень шепчет
Простые, глупые слова,
И у девчонки той беспечной
От них кружится голова.
Она ещё совсем не знает
О том, что первая любовь
На солнце льдинкою растает
И не вернется больше вновь…

***

Однокашникам

Десятый класс,
Десятый класс!
Экзамены остались позади.
А кто из нас,
А кто из нас
Готов самостоятельно идти?
Семнадцать лет,
Семнадцать лет,

Семнадцать лет нас за ручку вели.
Сюда – нет, нет. Туда - запрет.
У взрослых лишь один ответ.
А вы взгляните, как мы подросли.
Не надо нас,
Не надо нас,
Не надо нас излишне опекать.
Как в первый класс,
Как в первый класс
Приходится нам в эту жизнь вступать.
С уроков можно и сбежать –
Да, это нам не привыкать.
А вот куда от жизни убежишь?
Ведь жизнь, она – сплошной урок.
И где спасительный звонок?
Ну, что же ты, учитель мой, молчишь?
И все-таки,
И все-таки
«Спасибо» нашей школе говорим.
С вопросами,
С вопросами
Сюда еще, быть может, прибежим.
За третьей партой у окна
Сидела девочка одна…
Я был влюблен без памяти в нее.
На вечер встречи я приду
И к ней тихонько подойду,
И приглашу на танец я ее.
Десятый класс,
Десятый класс!
Экзамены, пожалуй, впереди…

***

Четыре стержня есть у человека –
Любовь, природа, Родина, друзья.
Без них — поверьте, пробовал — на свете
Прожить никак практически нельзя.
Возьмите стол. Одну спилите ножку.
Его чуть-чуть толкнуть — и упадёт.
У человека без опоры прочной,
Увы, вся жизнь на перекос пойдёт…

***

И снова Осень на пороге,
За ней зима ступает след во след.
– Что, дорогая? Зябнут ноги?
Затопим печь – и посидим в тепле.

Старик охапку дров приносит,
В подтопок ношу ладно уложил.
И улыбнулась мудро Осень:
«Тут и самой Зиме не хватит сил

В лёд заковать сердца влюбленных.
Такой любви морозы нипочём».
– Ну, что? Уже теплей, Алёна?
– Спасибо, Васенька. Чайку попьем?

…А в это время на Канарах
Их сын с семьей под тентом отдыхал,
Тянул пивко, курил сигару.
Сережа, внук, мороженку лизал.

Добротúн

Шерстяные носки вяжет бабка:
«Эту внуку. Бойцам СВО.
Чтоб теплее вам было, ребятки.
Ой, когда же закончится Зло?

Скоро ль стихнут свинцовые бури?
Жизнь солдат до того коротка –
Пролетает со скоростью пули,
А не птицею, что в облаках.

Ну, когда же такое лекарство,
Как, к примеру, больным – анальгин,
Нам ученые мира подарят
И его назовут – Добротин?

Взял бы эту таблеточку, выпил
Президент ли, простой человек –
И характером даже правитель
Станет чутким, добрейшим навек.

Прекратятся угрозы и войны,
Будут в гости друг к другу ходить.
Как бы ладно всё было, спокойно.
Надо дружно, в согласии жить!».

…Сдав посылку, шагает под вечер,
Напряла дома шерсти клубки.
Утром в храме поставила свечку:
«Возвращайтесь живыми, сынки».

Моей любимой библиотеке

Лекарства можно купить в аптеке.
Но очень дороги они.
В библиотеку! В библиотеку!
Недуги лечат здесь мои.

Есенин, Пушкин, Чехов, Бунин,
Тургенев, Лермонтов,Толстой
В душе ослабшей настроят струны,
Поговорят – я вновь живой!

Я на приём к ним хожу бесплатно
И даже полис не беру.
Их книги – лучшее лекарство.
Друзья, ей-Богу, вам не вру.

Пенсионеры, пенсионеры –
Диван, больница, магазин.
А мы с Валерой, а мы с Валерой
В библиотеку мы спешим!

Библиотека, библиотека!
Я рядовой читатель твой.
Без доброй книги я, как калека –
Без рук, без ног, глухонемой.

Живи во благе, Русь моя!

Не так уж плохо все, ребята.
У жизни явный перевес:
Умру – останутся внучата,

И то же солнышко с небес
Им зайчиков подарит. Будут
На зорьке петь им соловьи.
Земля обрадуется плугу,
И будут песни о любви.
И верю, матушка-Россия –
О ней писал с печалью я –
Вернет себе былую силу.
Живи во благе, Русь моя!

Белый свет

Белым лебедем облако мчится,
Белым снегом искрится рассвет.
И над белым листом он склонился,
Молодой белокурый поэт.

Белый дым над избушкою вьется,
Веет с белых берез торжеством.
…Нет, не зря белым светом зовется
Мир, в котором мы с вами живем!

Отчий дом

Мне с детства запомнился запах
От свеженапиленных дров.
Отец привозил их с запасом:
Зима-то у нас – будь здоров!
У бати колун, как игрушка,
И меток – в середочку бьет.
В моих же руках непослушный –

Расчет ли, замах ли не тот?
Со временем я научился
Владеть и пилой, топором,
А лет через двадцать вселился
В кирпичный, с балконами дом.
Вот счастье! В квартире отныне
Буквально ну всё под рукой –
Есть газ, телефон, холодильник
И ванна с горячей водой.
Однако зачем же ночами
Мне снится наш старенький дом?
Закрою глаза – на поляне
Стоит, пригорюнившись он…

Песня о пешке, мечтающей стать королевой

Пешка двигалась вперед, в люди пробивалась.
Ей два шага лишь всего сделать оставалось.
Не терпелось ей надеть королевы платье.
Вот и шаг, один совсем, до такого счастья.
Пешке грезилась уже в золоте корона,
Ей бы только завладеть королевским троном.
Ей кричали: «Нас дождись, наша сила в связке.
На таком большом пути без друзей опасно».
Не послушалась и – на! Всадник из засады –
От лихого от коня пешке нет пощады.
Так бывает с тем всегда, кто друзей не ценит –
В одиночку никогда не добиться цели.

***

Желтым корабликом листик
Мчится на всех парусах.

Манит в лесу заблудиться
Бабьего лета краса.
Вспыхнет багряным румянцем
Стайка пугливых осин.
Осень, как будто для танцев,
Платьица вышила им.
Алые гроздья рябины,
Запах «печенок» с дымком.
Что это? Клин журавлиный
Сердце кольнул острием…
Озими шелк изумрудный
Стелется мягким ковром
Жизни начало – отсюда,
С этим зеленым ростком.
Словно предчувствуя стужу,
К берегу жмется река.
Солнце посмотрится в лужи –
И заспешит в облака.
Под ноги ветер бросает
Золото щедрых берез.
Здравствуй, сторонка родная
Светлой печали и грёз!

Сохраните всё это живое

Вот и снова рюкзак за плечами,
Снова ветры шальные поют.
У меня аллергия, я знаю,
На покой и домашний уют.
Мне прописаны тропы лесные,
Над ромашковым лугом закат,

И доверчивый шепот осины,
И таежной реки перекат.
Соловьиная трель – на рассвете,
И молочный туман – натощак.
Соглашайтесь на эту диету,
Собирайте в дорогу рюкзак!
По зеленым лугам струится,
Манит в даль голубую река.
Босиком по траве шелковистой
К ней березки бегут с бугорка.
У воды остановятся разом,
Заглядевшись в зеркальную гладь,
Поправляют прически, наряды…
А кругом-то, кругом – благодать!
Чтоб увидеть раздолье такое,
Даже ветер на время утих.
Сохраним же всё это живое
Для детей и для внуков своих!

***

Борису Мокроусову, Ивану Шамову,
Авторам песни «Костры горят далекие»

Как дружно пели мама с папой
И вся родня: «Костры горят…».
Им подпевали мы, ребята, –
Не надо никаких наград.

Была наградой песня эта
С мелодией такой родной.
И мне хотелось до рассвета
Шагать тропинкой под луной

И жечь костер у тихой речки,
Ловить украдкой милой взгляд.
В той русской песне столь сердечной,
Как первый снег, любовь чиста.

…И под баян теперь отныне –
Его освоил я не зря –
Пою я с внуками моими
По вечерам: «Костры горят…».

***

Сыну Павлу, бойцу СВО

На побывку отпустили
Из-за «ленточки» бойца.
Наконец-то встреча с милой –
В унисон стучат сердца.

Обнимал и мать-старушку,
За Победу пил с отцом.
…Время – выстрелом из пушки:
«Что ж, пора, брат, в батальон,

Где друзья твои «морпехи»
На переднем рубеже
Бьют бандеровцев отпетых,
Как мышей, что в блиндаже».

…На вокзале. Марш «Славянки».
Паровозные гудки.
Захлебнулись плачем мамы:
«Возвращайтеся, сынки».

***

С утра сосед в квартире
Шпаклюет, моет, трёт.
А кто же в целом мире
Ремонт произведет?
Давно пора настала
Планету обновить,
Ведь люди так устали
В объятьях страха жить.
Того гляди, и рухнет
Небесный потолок –
И день земной потухнет,
Застрянет в горле слог.
Сметет деревья, стены
Насилия поток –
И с межпланетной сцены
Земля под свист сойдет…
Давайте же, земляне,
Порядок наведем!
Пока не поздно, встанем
И свой починим Дом.
Вражду, угрозы, алчность
И весь ненужный хлам –
Свезем же их на свалку:
Им место только там.
Берите в руки кисти,
Макните их в рассвет,
И черные все мысли
Окрасьте в белый цвет!
Прошу вас, отоприте
Тайник своей души
И сами посмотрите,

Что там на дне лежит.
Ведь в каждом есть отвага,
И нежность, красота.
Не прячьте их, не надо!
К лицу всем доброта.
…С утра сосед в квартире
Шпаклюет, моет, трет.
А кто же в целом мире
Ремонт произведет?

***

Мобильники, планшеты, ноутбуки:
Такое время – двадцать первый век,
Век точной электроники, науки.
Каких высот достиг ты, человек!

Уже компьютер в шахматы играет,
Порою чемпиону ставит мат.
Стихи и музыку он сочиняет.
А вдруг научится …детей рожать?

И роботы заселят всю планету
И переделать мир вдруг захотят,
Пойдут они войной на человека.
Где пятый угол, люди, нам искать?...

Как горе от ума нам не изведать,
И шарик наш голубенький спасти?
Не дай, Господь, твореньям человека
Всему живому зло и смерть нести…

Об авторе

Геннадий Васильевич Вершинин родился в городе Лысьва Пермской области. Журналист, прозаик, поэт, автор семнадцати книг (стихи и проза), член Союза писателей России.

Победитель народной акции «Человек года» в номинации «За вклад в культуру». Лауреат Всероссийского конкурса «Золотое перо России» (за цикл публикаций о возрождении русской деревни). Его стихи и очерки публиковались в журналах «Смена», «Урал», «Литературная Пермь», «Родная Кубань».

Содержание

ЧИТАЙТЕ ВСЕЙ СЕМЬЕЙ 3
РАССКАЗЫ, СКАЗКИ 4
Солнечный вагон 4
Муська-пожарница 8
Боцман 12
Красноперый 16
Мураш 23
Сиреневое утро 29
Обида 34
Санькины каникулы 38
Подснежники на помойке 42
Юля, Рома и Гриза (*сказка*) 43
Наташа и Дедюша (*рассказ-быль*) 50
«Сидеть, Жучка!» 53
Чапушка и Чуня 56
Примирение (*лесная сказка*) 73
РОЖДЕСТВЕНСКИЕ СКАЗЫ 79
На кладбище 80
В бане 81
Заколдованная свадьба 81
«Я ИЗ ДЕТСТВА СТРАНЫ» (*стихи, загадки*) 83
СТИХИ НА ВЫРОСТ 164

Геннадий Васильевич Вершинин

ЛЕТАЮЩИЙ СЛОН

Дизайн, вёрстка С. И. Ёлохова

В книге использованы работы учащихся
отделения изобразительного искусства
Детской музыкальной школы г. Лысьвы

На обложке: рисунок Винокуровой Полины, 14 лет